

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**«Актуальная археология 2.
Археология в современном мире:
в контакте и в конфликте»**

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**«Актуальная археология 2.
Археология в современном мире:
в контакте и в конфликте»**

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых
Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2014 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Оргкомитет конференции:
к.и.н. О. И. Богуславский (ИИМК РАН),
к.и.н. А. А. Бессуднов (ИИМК РАН), О. В. Григорьева (ИИМК РАН),
И. А. Гарбуз (СПбГУ)

Редакторы и составители:
к.и.н. О. И. Богуславский (ответственный редактор),
к.и.н. А. А. Бессуднов, О. В. Григорьева

Оформитель С. Л. Соловьёв

ISBN 978-5-906168-08-5

УДК 902/904
ББК 63.4

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От оргкомитета 7

Археологическое изучение памятников истории и культуры

Методика изучения палеолитических женских статуэток 9
Корнева Т. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

От граветта к эпиграветту:
суть проблемы и возможные пути ее решения 13
Бессуднов А. А. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Комплексный анализ скребков и скобелей с памятников
позднекаменного века Пермского Предуралья 14
Митрошин Е. Н. (ПГГПУ, Пермь)

К исследованию памятников предмонгольского времени
в округе Пенджикента 20
Аминов Ф. Ш. (СПбГУКИ, Санкт-Петербург)

Раскопки поселения Вышестеблиевская-3 в 2013 г. 26
Кашаев С. В. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Грунтовое погребение на городище Чирик-рабат 30
Утубаев Ж. Р., Дарменов Р. Т. (ИА им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

Погребальные памятники Ордубадского района
(Нахичеванская АР) в эпоху бронзы и раннего железа 36
Алиев Э. Г. (ИАЭ НАНА, Баку, Азербайджан)

Украшения рук в детских (до-взрослых) погребениях
Бояновского могильника 40
Моряхина К. В. (ПГГПУ, Пермь)

**Краснофигурный килик из раскопок поселения
Вышестеблиевская-3 .....43**
Драчева Е. Ю. (СПбГУП, Санкт-Петербург)

Вопросы сохранения памятников истории и культуры и их популяризация

**Работа по сохранению памятников, находящихся
в прибрежной зоне Куйбышевского водохранилища
(на примере городища Чертов городок) 48**
Каравашкина Е. А. (УдГУ, Ижевск)

**Исследования комплекса памятников
у с. Глинское Полтавской области
в контексте популяризации археологического наследия 51**
*Пуголов Ю. А. (Центр охраны и исследований памятников
археологии управления культуры Полтавской областной
государственной администрации, Полтава, Украина)*

**Судьба наследия согдийской цивилизации:
проблемы сохранения археологического памятника
«Замок на горе Муг» 56**
Пулатов А. Г. (СПбГУКИ, Санкт-Петербург)

**Субкультура «черных копателей»
Республики Башкортостан: проблемы и решения 62**
*Русланов Е. В. (ГБУ РИКМЗ, Уфа), Русланова Р.Р. (БашГУ, Уфа),
Воробьева С.Л. (Национальный музей Республики Башкортостан,
Научно-исследовательский центр «Наследие», Уфа)*

**Музейная работа со слабовидящими: первый опыт Музея
археологии и этнографии Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета 65**
Семенов Д. А. (ПГГПУ, Пермь)

**Изучение античного наследия Причерноморского края
в Российской империи в XIX – начале XX вв.: становление
научных обществ и их деятельность по сохранению
памятников старины 68**
Преснова Н. Н. (ВлГУ, Владимир)

Проблемы сохранения и использования археологических памятников (на примере некрополя Иссык) 72
Тулегенов Т. Ж., Джасыбаев Е. А. (Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», Есик, Казахстан)

Взаимодействие археологов и местного населения в Пермском крае во время археологических работ 76
Петров В. Л. (ПГГПУ, Пермь)

Актуальные вопросы археологии

Случаи трепанации черепа с территории римского мавзолея III–IV вв. г. Виминаций 80
Кириченко Д. А. (ИАЭ НАНА, Баку, Азербайджан), Микич И.Ж. (Институт археологии Академии наук и искусств, Белград, Сербия)

Значение «старых» коллекций в современной археологии (на примере керамики «кочищенского» типа) 85
Цветкова Н. А. (РЭМ, Санкт-Петербург)

Опыт использования синтеза традиционных и междисциплинарных исследований в определении рецептуры формовочных масс (на примере общеполгарской керамики Болгарского городища) 90
Бахматова В. Н., Куклина А. А. (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань)

Исследование предметов из металла в процессе реставрации 94
*Курганов Н. С. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)
Горлов К. В. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)*

К палеоантропологии Сельбира (предварительное сообщение) 97
Кириченко Д. А. (ИАЭ НАНА, Баку, Азербайджан)

Современное состояние рудника Михайло-Овсянка в Пестравском муниципальном районе Самарской области 102
Сёмин Д. В. (УдГУ, Ижевск)

Археологическая разведка на левобережье и островах р. Иртыш напротив устья р. Оми летом 2013 г.	104
<i>Прокопенко И. В. (Музей археологии и этнографии ОмГПУ, Омск)</i>	
Список сокращений	108

От оргкомитета

В 2013 г. Институт истории материальной культуры РАН возобновил существовавшую ранее традицию проведения конференций для молодых ученых. Первая конференция, прошедшая в апреле 2013 г., привлекла большое внимание молодых специалистов как Санкт-Петербурга, так и других городов России и ближнего зарубежья – Москвы, Барнаула, Перми, Ельца, Казани, Кишинева и др. Всего было получено 48 заявок от 55 авторов, из них 50 лично выступили с докладами. Участники весьма высоко оценили уровень организации конференции и выразили пожелания о продолжении традиции проведения такого рода встреч молодых ученых.

Проводимая научная конференция открывает цикл тематических научных конференций для молодых ученых в стенах ИИМК РАН. Предложенная тема «Археология в современном мире: в контакте и в конфликте» выбрана не случайно, ведь именно подрастающей молодежи в рамках своих научных исследований придется сталкиваться с различными препятствиями в условиях постоянного реформирования научных и образовательных учреждений.

В восприятии современного общества памятники археологии не представляют особой актуальности. В последнее время, проблема актуализации археологического наследия в массовой культуре назрела особенно остро, в связи с ужасающими темпами разрушения и уничтожения археологических памятников по всей территории России и стран СНГ. Чтобы сохранить этот археологический культурный фонд просто необходимо донести до широких кругов общественности культурную, историческую и познавательную ценность памятников археологии. Этому направлению посвящен раздел настоящего сборника «Вопросы сохранения памятников истории и культуры и их популяризация».

На конференции не остались в стороне и традиционные археологические исследования, а также ставшие неотъемлемой частью современной науки результаты междисциплинарного сотрудничества. Эти направления отражены в разделах «Археологическое изучение памятников истории и культуры» и «Опыт междисциплинарного подхода в изучении памятников истории и культуры».

В заключении хочется выразить огромную благодарность всем участникам конференции, а также организаторам и всем заинтересованным лицам, без помощи которых эта конференция могла бы не состояться.

Археологическое изучение памятников истории и культуры

Методика изучения палеолитических женских статуэток

*Корнева Т. В. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)
kortania@mail.ru*

Данная работа является попыткой систематизировать различные методы анализа женских палеолитических статуэток и возможности использования этих методов для археологических реконструкций. Существует несколько методов анализа женской палеолитической скульптуры:

Морфологический метод, основанный на описании внешнего вида предметов. В его основе лежит описание, изучение и анализ иконографии статуэток. Известны две системы описания женских статуэток: традиционная, которой придерживались П. П. Ефименко, М. М. Герасимов, З. А. Абрамова и метрическая, которая была создана А. Леруа-Гураном, а в отечественной археологии впервые использована М. Д. Гвоздовер.

Функционально-технологический метод основан на изучении сырья, заготовок статуэток, следов изготовления и использования на статуэтках, орудий, применявшихся при их создании. В развитие этого направления наибольший вклад внесли Г. А. Хлопачев (Хлопачев 2006) и А. К. Филиппов (Филиппов 2004).

Контекстный метод направлен на изучение положения предметов в культурном слое стоянки относительно других объектов. Этот метод при изучении женских палеолитических статуэток использовали М. Д. Гвоздовер (Гвоздовер 1987), Е. А. Липнина (Липнина 2008).

Вышеперечисленные методы анализа женских статуэток служат для создания культурно-исторических, функционально-технологических, семантических реконструкций, а также для воссоздания палеолитической одежды, украшений, антропологического типа населения определенной стоянки (Абрамова 1960б; Соффер 2000).

Культурно-исторические реконструкции

1. Использование морфологического анализа для культурно-исторических реконструкций. Изучение морфологии статуэток позволяет определить существование характерного для каждой конкретной стоянки или культуры стиля женских изображений. Как отметила З. А. Абрамова, в эпоху верхнего палеолита особенности произведений искусства в значительно большей степени могут пригодиться при установлении локальных особенностей культур, чем только каменный и костяной инвентарь (Абрамова 1960а). М. Д. Гвоздовер выработала систему описания, которая позволяла ей сравнивать группы статуэток на различных таксономических уровнях. Сравнение женских статуэток она использовала для решения вопроса о наличии генетических связей внутри костенковско-виллендорфского единства (Гвоздовер 1985).

2. Использование функционально-технологического анализа для культурно-исторических реконструкций. Технологические приемы создания статуэток, а также орудия, использовавшиеся при их изготовлении, могут демонстрировать разный уровень развития технологий работы с материалом в разных культурах (Филиппов 2004).

3. Использование контекстного анализа для культурно-исторических реконструкций. Сходство положения статуэток в слое стоянки может свидетельствовать об общих традициях в их использовании и хранении. Анализом контекстного положения статуэток в культурном слое занимались такие исследователи, как М. Д. Гвоздовер, Е. А. Липнина, Р. Уайт (Липнина 2008).

Функционально-технологические реконструкции

1. Использование морфологического анализа для функционально-технологических реконструкций. На способ изготовления статуэток могут указывать особенности их внешнего строения: Г. А. Хлопачев подтвердил существование связи между формой заготовки из бивня и позой статуэтки для фигурок, найденных на Русской равнине (Хлопачев 2006). Некоторые детали статуэток могли указывать на особенности их использования: например, наличие отверстия в нижней части ног у статуэток Мальты и Бурети указывает на то, что они предназначались для подвешивания вниз головой.

2. Использование функционально-технологического анализа для функционально-технологических реконструкций. Анализ следов обработки на женских статуэтках, изучение заполированных, заглаженных участков или

участков на месте слома статуэтки позволяет реконструировать условия их существования, решить вопросы о намеренном или естественном характере их фрагментации.

3. Использование контекстного анализа для функционально-технологических реконструкций. Положение статуэток на определенных участках стоянки может свидетельствовать о способах их хранения или утилизации. М. Д. Гвоздовер пыталась проследить следы ритуального отношения к статуэткам, обнаруженным в ямах на стоянках Авдеево и Костенки 1 (Гвоздовер 1987).

Реконструкция семантики женских статуэток

1. Использование морфологического анализа для семантических реконструкций. Основано на предположении о том, что статуэтки были портретными изображениями реально живших женщин со стеатопигией, что они отражали эстетический идеал эпохи, являлись отражением культа плодородия и так далее. З. А. Абрамова, Л. М. Тарасов, М. Д. Гвоздовер развивали точку зрения, согласно которой разнотипные статуэтки могли иметь различные функции в палеолитическом пантеоне и являться отражением множественности роли образа женщины.

2. Использование функционально-технологического анализа для семантических реконструкций. Изучение следов использования и переоформления предмета позволяет делать предположения о способах обращения со статуэткой и, соответственно, ее роли в различных обрядах.

3. Использование контекстного анализа для семантических реконструкций. Важную информацию о назначении статуэток может дать их положение относительно очага, друг друга или других предметов. В первую очередь внимание исследователей привлекало близкое расположение статуэток к остаткам очагов и их серийность (Абрамова 1966). Это позволило трактовать статуэтки как изображения хранительниц, духов домашнего очага (Ефименко 1953). Р. Уайт предположил, что статуэтки, которые были обнаружены группами в ямах-хранилищах, хранились вместе и извлекались для использования их в качестве амулетов в особых случаях, а именно, для обеспечения безопасности беременности и родов (White 1997).

Список литературы

Абрамова 1960а. – Абрамова З. А. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // Советская Археология. № 3. М., 1960. С. 6–16.

- Абрамова 1960б. – Абрамова З. А. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири // Палеолит и неолит СССР / Материалы и исследования по археологии СССР. № 79. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1960. С. 126–149.
- Абрамова 1966. – Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л.: «Наука». 1966. – 223 с.
- Гвоздовер 1985. – Гвоздовер М. Д. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. Вып. 75. М. 1985. С. 27–66.
- Гвоздовер 1987. – Гвоздовер М. Д. Археологический контекст женских статуэток костенковской верхнепалеолитической культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та. 1987. С. 18–33.
- Ефименко 1953. – Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е, переработ. и доп. Киев: Изд-во АН УССР. 1953. – 664 с.
- Липнина 2008. – Липнина Е. А. Антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения палеолитического ансамбля Мальты // Антропоген. Палеоантропология, геoarхеология, этнология Азии. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та. 2008. С. 112–132.
- Соффер 2000. – Соффер О., Адовазлио Дж. М., Хайлэнд Д. С. Одежда палеолитических «Венер»: реалии и гипотезы// Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск. 2000. С. 37–47.
- Филиппов 2004. – Филиппов А. К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: ЛООО «Сохранение природы и культурного наследия». 2004. – 224 с.
- Хлопачев, 2006. – Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Изд-во «Наука». 2006. – 262 с.
- White, 1997. – White R. Substantial Acts: From Materials to Meaning in Upper Paleolithic Representation // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. San Francisco: Memoirs of the California Academy of Sciences. 1997. P. 93–121.

От граветта к эпиграветту: суть проблемы и возможные пути ее решения¹

*Бессуднов А. А. (Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург)
bessudnov_a22@mail.ru*

В последние годы в отечественном палеолитоведении возрос интерес к разработке проблематики граветтских памятников, в первую очередь обусловленный изданием материалов ряда ключевых стоянок. Большинство исследователей в среднюю пору верхнего палеолита на территории Русской равнины выделяется несколько вариантов граветта, из которых как минимум четыре представлены только в Костенках. На фоне единого технологического контекста каждый из вариантов обладает своеобразным набором каменного и костяного инвентаря, традициями домостроительства, искусством и другими характерными признаками археологических культур. Появление граветта происходит приблизительно одновременно на территории всей Европы 30–28 тыс. л.н. (в Восточной Европе – Костенки 8(II), Межигирцы, Буран-Кая 3, сл. 6-1), «расцвет» и наибольшее распространение культур граветтского технокомплекса приходится на 24–20 тыс. л.н.

На фоне ярких граветтских культур средней поры верхнего палеолита, материальная культура памятников времени последнего оледенения и его регрессии (20–13 тыс. л.н.) выглядят весьма бедно. На территории Восточной Европы в этот период выделяются стоянки, объединяемые понятиями «эпиграветт» и «эпиориньяк», а также ряд локальных образований, зачастую представленных одиночными памятниками, культурная атрибуция которых затруднена. К эпиграветту относится большинство стоянок, в каменном инвентаре которых ведущими формами являются изделия и микроизделия с притупленным краем, ретушные резцы, усеченные пластины и острия, скребки простых форм.

В литературе относительно правомерности использования термина «эпиграветт» применительно к памятникам Восточной Европы нет единства мнений. Наиболее дискуссионными являются следующие моменты: 1) понятие «эпиграветт» и его содержание; 2) территориальное распространение; 3) хронология; 4) внутренняя дифференциация; 5) отношение к граветту.

---

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 14-06-31134 мол_а.

В докладе предпринимается попытка обобщения всех имеющихся данных по этой проблематике, а также обосновывается использование термина «эпиграветт» для поздневалдайских памятников на Русской равнине. Различные варианты эпиграветта рассматриваются с точки зрения их возможной генетической связи с разными граветтийскими культурами.

Комплексный анализ скребков и скобелей с памятников позднекаменного века Пермского Предуралья¹

*Митрошин Е. Н. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)
mitroshindjon@yandex.ru*

К скоблевидным орудиям мы относим изделия, имеющие острый или слегка притупленный край, в некоторых случаях специально подготовленное лезвие, служащее для очищения поверхностного слоя с чего-либо (шкура, дерево, кость, рог). Типологически в качестве скобелей определяются орудия со специально обработанными выемками. Трасологически к скобелям нами были отнесены все орудия, которые выполняли функцию скобления, но не являлись типологическими скребками.

К скребкам мы относим орудия, которые типологически определяются как скребки и на которых имеются следы скобления, подтвержденные трасологическим анализом. Это изделия из камня, чаще всего имеющие дугообразной формы рабочий край, обработанный крутой притупляющей ретушью.

Эти категории изделий, наряду с режущими орудиями, являются наиболее многочисленными на памятниках каменного века на территории Пермского Предуралья. Применение трасологического метода позволяет нам получить более объективную картину использования скребков и скобелей в хозяйственной деятельности местного населения (Поплевко 2007).

Для анализа были использованы материалы 5 памятников, относящихся к трем различным культурам. Это Стоянка Хуторская и поселение Чернушка, относимые к камской неолитической культуре (Бадер 1970, с. 157–

---

¹ Работа проведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-11-59003а/У – Комплексный анализ хозяйственных занятий населения Пермского Предуралья в эпоху неолита.

171; Мокрушин, Лычагина 2003, с. 31–40). Стоянки Чашкинское Озеро IV и VIII, относимые к волго-камской неолитической культуре (Лычагина 2008а, с. 76–79). И стоянка Чашкинское Озеро I, относимая к новоильинской энеолитической культуре (Лычагина 2008б, с. 177–184).

Количество типологически выделенных орудий представлено в таблице 1. Особняком стоят материалы стоянки Чашкинское Озеро VIII, в которых скоблевидные орудия типологически вообще не выделены. При сравнении итогов типологического и трасологического анализа видно, что количество орудий резко возрастает (табл. 1). На основе трасологического анализа были выделены следующие категории орудий: скребки по шкуре, скобели по дереву, скребки по дереву, скобели по кости (рогу), скребки по кости (рогу). Остановимся на каждой категории подробнее.

Таблица 1. Соотношение данных типологии и трасологии

Название памятника	Типологический анализ		Трасологический анализ				
	Скобели	Скребки	Скребки по шкуре	Скобели по дереву	Скребки по дереву	Скобели по кости	Скребки по кости (рогу)
Чашкинское Озеро IV (ВКК)	5	14	2	7	5	2	9
Чашкинское Озеро VIII (ВКК)	-	-	1	3	-	-	-
Чернушка (КК)	1	3	1	3	-	-	-
Хуторская (КК)	4	31	10	5	16	2	4
Чашкинское Озеро I (НК)	2	11	9	8	2	7	5

Скребки по шкуре

Для изготовления данной категории орудий в основном использовался серый кремль. В качестве заготовок использовались отщепы средних размеров (61%), но также встречаются пластины (22%), часть орудий представлена обломками (17%) (табл. 2). Большинство орудий (87%) имело дорсальную ретушь, чаще всего полукрутую или крутую притупляющую. Серьезных отличий между изделиями отдельных памятников, относящихся к разным культурам, мы не отметили.

Таблица 2. Характеристика скребков по шкуре

Название памятников	Материал		Характер заготовки			Характер вторичной обработки		
	кремень	др.	пластина	отщеп	др.	краевая	бифасиал.	б/обр
Хуторская стоянка	8	2	4	2	4	9	1	-
Поселение Чернушка	1	-	1	-	-	1	-	-
Чашкинское Озеро IV	1	1	-	2	-	2	-	-
Чашкинское Озеро VIII	1	-	-	1	-	-	-	-
Чашкинское Озеро I	9	-	-	9	-	7	-	2

Скребки и скобели по дереву

Основным сырьем для изготовления орудий был серый кремль. Интересным является то, что в качестве скобелей часто использовались пластинчатые заготовки (35%), в то время как количество орудий на отщепах не намного больше (46%). Еще часть орудий изготовлена на сколах или представлена обломками орудий (19%) (табл. 3).

Таблица 3. Характеристика скобелей по дереву

Название памятников	Материал		Характер заготовки			Характер вторичной обработки		
	кре-мень	др.	плас-тина	от-щеп	др.	крае-вая	бифа-сиал.	б/обр
Хуторская стоянка	4	1	1	4	-	2	-	3
Поселение Чернушка	3	-	3	-	-	3	-	-
Чашкинское Озеро IV	7	-	1	5	1	3	1	3
Чашкинское Озеро VIII	3	-	-	-	3	2	-	1
Чашкинское Озеро I	7	1	4	3	1	7	-	1

Тогда как у скребков картина вполне ожидаемая: большинство орудий изготовлено на отщепах (70%), остальные или на пластинах (9%) или на других формах (21%) (табл. 4). Для изготовления как скобелей, так и скребков, использовалась краевая ретушь (80% от общего количества), однако скобели без вторичной обработки встречаются чаще, нежели скребки. В тех случаях, когда присутствовала вторичная обработка, превалировала краевая дорсальная ретушь. Средние размеры орудий в основном такие же, как и у скребков по шкуре, исключением являются орудия со стоянки Чашкинское Озеро I, где изделия более крупной формы. В качестве заготовок нередко использовались крупные пластины и отщепы, длина которых превышала 5 см. Других серьезных отличий между орудиями отдельных памятников отмечено не было.

Таблица 4 Характеристика скребков по дереву

Название памятников	Материал		Характер заготовки			Характер вторичной обработки		
	кре-мень	др.	плас-тина	от-щеп	др.	крае-вая	бифа-сиал.	б/обр
Хуторская стоянка	12	4	1	13	2	15	1	-

Таблица 4 Характеристика скребков по дереву (продолжение)

Название памятников	Материал		Характер заготовки			Характер вторичной обработки		
Поселение Чернушка	-	-	-	-	-	-	-	-
Чашкинское Озеро IV	5	-	-	2	3	5	-	-
Чашкинское Озеро VIII	-	-	-	-	-	-	-	-
Чашкинское Озеро I	2	-	1	1	-	2	-	-

Скребки и скобели по кости (рогу)

Заготовками орудий в основном служили отщепы средних размеров, изготовленные из серого кремня. Лишь на половине скобелей зафиксированы следы вторичной обработки (табл. 5). В то время как на скребках полностью преобладала дорсальная ретушь (табл. 6). Также можно отметить, что на стоянке Чашкинское Озеро IV у скребков преобладала высокая крутая притупляющая дорсальная ретушь.

Таблица 5. Характеристика скобелей по кости

Название памятников	Материал		Характер заготовки			Характер вторичной обработки		
	кремень	др.	пластина	отщеп	др.	краевая	бифасиал.	б/обр
Хуторская стоянка	1	1	-	1	1	2	-	-
Поселение Чернушка	-	-	-	-	-	-	-	-
Чашкинское Озеро IV	2	-	1	1	-	-	-	2
Чашкинское Озеро VIII	-	-	-	-	-	-	-	-
Чашкинское Озеро I	7	-	1	6	-	4	-	3

Таблица 6. Характеристика скребков по кости

Название памятников	Материал		Характер заготовки			Характер вторичной обработки		
	кре-мень	др.	плас-тина	от-щеп	др.	крае-вая	бифа-сиал.	б/обр
Хуторская стоянка	4	-	-	4	-	4	-	-
Поселение Чернушка	-	-	-	-	-	-	-	-
Чашкинское Озеро IV	8	1	2	4	3	9	-	-
Чашкинское Озеро VIII	-	-	-	-	-	-	-	-
Чашкинское Озеро I	5	-	1	4	-	5	-	-

Подводя итог характеристике скребков и скобелей с памятников позднекаменного века Пермского Предуралья, можно отметить следующее. Мы не заметили разницы в выборе сырья в зависимости от категории орудия. Для изготовления большинства орудий использовался серый кремль различных цветовых оттенков. При изготовлении скобелей до половины делались на отщепах – 54%, одна треть на пластинах – 30%, остальные представлены обломками или аморфными сколами. Необходимо отметить, что средние размеры скобелей по кости больше, нежели скобелей по дереву. До половины скобелей по кости не имеют вторичной обработки, в то время как 70% скобелей по дереву обработаны ретушью.

Скрепки же в основе своей изготавливались на отщепах – 66% и пластинах – 15%. Обломки и сколы занимают – 19%. Средние размеры скребков меньше размеров скобелей. При этом 96% всех скребков имеют крутую и полукрутую ретушь. Средние размеры всех типов скребков практически совпадают, что может свидетельствовать о тщательной подготовке заготовки перед использованием.

Таким образом, применение, наряду с типологическим, трасологического анализа, резко увеличивает количество выделенных орудий, а также позволяет создать более объективную картину использования функции скoblения на памятниках позднекаменного века Пермского Предуралья.

Список литературы

- Бадер 1970. – Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука. 1970. С. 157–171.
- Лычагина 2008а. – Лычагина Е. Л. Каменный век Пермского Предуралья. Пермь: Изд-во ПГПУ. 2008. – 118 с.
- Лычагина 2008б. – Лычагина Е. Л. Стоянка Чашкинское Озеро I – новый памятник новоильинской культуры в окрестностях г. Березники Пермского края // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Березники: Изд-во УрГЭУ, 2008. С. 177–184.
- Мокрушин, Лычагина 2003. – Мокрушин В. П., Лычагина Е. Л. Новые исследования поселения Чернушка // Труды КАЭЭ. Вып. 3. Пермь: Изд-во ПГПУ. 2003. С. 31–40.
- Поплевко 2007. – Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. (Труды ИИМК РАН. Т. 23) С-Пб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – 388 с.

К исследованию памятников предмонгольского времени в округе Пенджикента

*Аминов Ф. Ш. (Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств, Санкт-Петербург)
firuzaminov@gmail.com*

Археологическое изучение верхней части долины р. Зеравшан, в которой расположен Пенджикентский район, началось после Великой Отечественной войны и продолжается по сей день. Непосредственным исследованием археологических памятников предмонгольского периода здесь прежде никто не занимался: наряду с памятниками других эпох они изучались в процессе разведочных работ в верховьях Зеравшана.

Первые разведки были проведены Верхнезеравшанским отрядом Согдийско-Гаджикской экспедиции ЛОИИМК АН СССР под руководством О. И. Смирновой. В ходе работ 1947–1948 гг. были найдены десятки архео-

логических памятников, на которых отмечались слои IX–XIII вв. (Смирнова 1950, с. 67–80; Смирнова 1953, с. 168–188).

Второй важной страницей истории изучения региона стали разведки и раскопки Магианской группы Пенджикентского отряда Таджикской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР под руководством Б. Я. Ставиского в 1957–1961 гг. (Ставиский 1959, с. 65–81; Ставиский 1961а, с. 101–112; Ставиский 1961б, с. 101–107; Ставиский 1964, с. 127–130). Третий этап работ по изучению памятников археологии, на которых имелись слои эпохи рассматриваемого времени, проводился в 1974–1977 гг. Костарошским отрядом Пенджикентской археологической экспедиции под руководством А. И. Исакова. В результате работ отряда были исследованы памятники низовья р. Магиандарьи и ближайшей округи Пенджикента (Исаков 1979, с. 296–310; Исаков 1980, с. 246–261; Исаков 1982, с. 222–233; Исаков 1983, с. 210–224).

В 2010 г. Таджикская археологическая экспедиция во главе с Ш. Ф. Курбоновым исследовала поселение Муборакшах (Аминов 2013, с. 64–67). Здесь была найдена поливная керамика и клад монет, состоящий из 102 целых и 52 обломков низкопробных дирхемов (Довуди, Курбанов 2012), который значительно расширил наши данные о внешней торговле в предмонгольское время.

В 2013 г. автором этой статьи был изучен ряд предметов материальной культуры рассматриваемого времени недавно найденных в окрестностях Пенджикента. Часть этих предметов была обнаружена случайно во время строительных работ в двух современных домовладениях: одно расположено в 1 км к северо-востоку от городища Древнего Пенджикента, другое – в 300 м к северо-востоку от первого (на территории селения Халифа Хасан Пенджикентского района). В первом домовладении были найдены фрагменты керамической трубы диаметром 6–6,3 см, обожженная плитка размером 42 x 24 x 3 см и фрагмент поливной керамики. По словам строителей, в вырытой ими яме располагалась конструкция с трубами и остатками стены из обожженного кирпича. Необходимо отметить, что аналогичная плитка в Древнем Пенджикенте встречается редко (Распопова 1990, с. 72, 100, 117) и использовалась для покрытия полов хозяйственных помещений.

Фрагмент поливной керамики представлен обломком донца блюда. Подглазурная роспись в центре в виде крестообразной фигуры черного цвета, с повторяющимися её контур белыми точками посередине. Фон

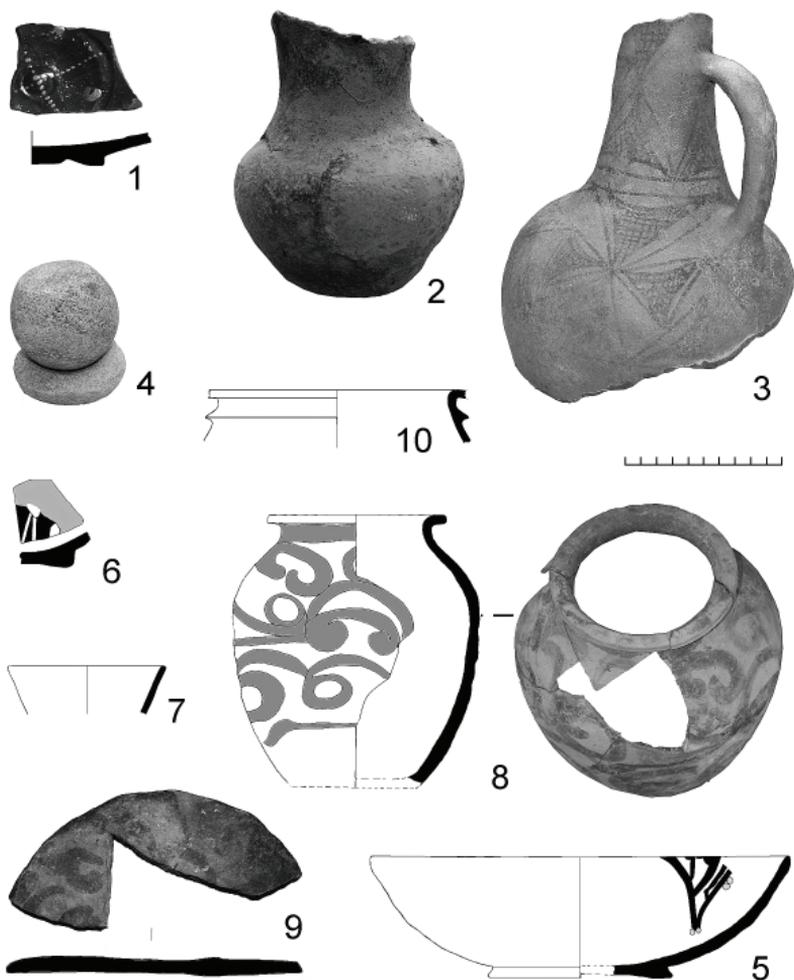
росписи коричневый, с двух сторон от фигуры расположено по одному небольшому белому пятну с черной точкой у края (рис. 1, 1).

Во втором домовладении были найдены красноглиняный кувшин с ручкой и геометрической росписью, выполненной коричневым ангобом – прием, характерный для XI – начала XII вв. (рис. 1, 2), а также сероглиняный кувшин без ручки (рис. 1,3). Кувшин с аналогичным орнаментом был найден Б. Я. Стависким в 1958 г. на поселении Калаи Нофин (хранится в Эрмитаже, неопубликован). Кроме того найдены каменная ступка с пестиком (диаметр ступки 9,5 см, пестика 7 см) (рис. 1, 4).

Очевидно, что эта местность имеет выраженный слой предмонгольского времени, но так как здесь расположена сплошная современная застройка, проведение планомерных раскопочных работ невозможно и находки являются делом случая.

В 1997 г. во время строительства в жилом доме в 500 м к северо-востоку от Пенджикентского городища были обнаружены фрагменты поливной керамики. Предметы и место находки были обследованы И. К. Малкиелем и датированы X – XI вв. (Малкиель 1997, с. 42–43).

Новые находки интересующего нас времени также были сделаны в 2013 г. в результате разведок Восточно-Согдийской археологической экспедиции на памятнике Кири Носир (начальник Ш. Ф. Курбонов), расположенном в селении Роч Пенджикентского района (правый берег р. Зеравшан). В северо-восточном углу холма был обнаружен закрытый комплекс – ящик с глиняной обмазкой. При расчистке ящика был найден ряд фрагментов от сосудов интересующего нас времени: 1) фрагмент чаши с линейным рисунком черного цвета и с кружками зеленого цвета на светлом фоне внутри, снаружи прозрачная полива по белому ангобу (рис. 1, 5); 2) фрагмент донца чаши с подглазурной росписью в виде черного пятна с белым пятном на краю, от которого отходят вниз две белые линии (возможно, характерное для керамики Мавераннахра конца X–XI вв. изображение ласточки), фон росписи коричневый (рис. 1, 6); 3) фрагмент венчика сосуда со сплошной бирюзовой глазурью (рис. 1, 7); 4) археологически целый кувшин с росписью коричневым ангобом в виде завитков, внешняя поверхность тулова декорирована волнистыми пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 8); 5) красноглиняная керамическая крышка с росписью коричневым ангобом в виде завитков (рис. 1, 9), сходная с росписью на упомянутом кувшине (рис. 1, 8), похожие крышки обнаружены в Навоийской области Узбекистана (Мирзаахмедов и др. 2009, с. 151–153); 6) фрагмент венчика

Рис. 1 Новые находки предметов предмонгольского времени в Пенджикентском районе. 1-4 – Селение Халифа Хасан; 5-9 – Селение Роч

котла из грубого теста с галечкой, с валиком, украшенным пальцевыми вдавлениями (черепок в результате использования приобрел черный цвет) (рис. 1, 10). Аналогичная керамика с валиком под венчиком была найдена в начале 1990-х гг. у подножья цитадели Древнего Пенджикента, где находились здания виноградодавилен. (Саввониди 1991, с. 77–86).

Полученные материалы имеют близкие аналогии среди керамики, известной по раскопкам столичного Самарканда (Шишкина 1979). Таким образом, новые данные подтверждают общность культуры низовьев и верховьев Зеравшана в предмонгольский период.

Список литературы

- Аминов 2013. – Аминов Ф. Ш. Начало исследований городища Муборакшах в Верхнем Зеравшане // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга. (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.) СПб: Издательство ИИМК РАН. 2013. С. 64–67.
- Довуди, Курбонов 2012. – Довуди Д., Курбонов Ш. Монетные находки на городищах Санджаршах и Муборакшах. Душанбе. 2012.
- Исаков 1979. – Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1974 г. Вып. XIV. Душанбе. 1979. С. 296–310.
- Исаков 1980. – Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1975 г. Вып. XV. Душанбе. 1980. С. 246–261.
- Исаков 1982. – Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1976 г. Вып. XVI. Душанбе. 1982. С. 222–233.
- Исаков 1983. – Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1977 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1977 г. Вып. XVII. Душанбе. 1983. С. 210–224.
- Малкиель 1997. – Малкиель И. К. Новые находки поливной керамики саманидского времени из Пенджикента // 50 лет раскопок Древнего Пенджикента. Сб. тезисов науч. конф. Пенджикент. 1997. С. 42–43.

- Мирзаахмедов и др. 2009. – Мирзаахмедов Д. К., Абдуллаев Б. М., Грицина А. А. Археологические исследования и материалы к передатировке мечети ядехгарон в селении Хазара // Археологические исследования в Узбекистане 2006–2007 года. Вып. 6. Ташкент, 2009. С. 148–161.
- Распопова 1990. – Распопова В. И. Жилища Пенджикента. Л.: ЛОИА АН СССР. 1990. – 204 с.
- Саввониди 1991. – Саввониди Н. Ф. Керамика IX–X вв. Древнего Пенджикента // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сб. труд. молодых ученых. Л.: ЛОИА АН СССР. 1991. С. 77–86.
- Смирнова 1950. – Смирнова О. И. Археологические разведки в бассейне Заравшана в 1947 г. // Труды Согдийско-Таджикской экспедиции. М-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1950. С. 67–80. (Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. № 15)
- Смирнова 1953. – Смирнова О. И. Археологические разведки в верховьях Заравшана в 1948 г. // Таджикская археологическая экспедиция. М-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1953. С. 168–188. (Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. № 37)
- Ставиский 1959. – Ставиский Б. Я. Археологические памятники в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. V. Сталинабад.. 1959. С. 65–81.
- Ставиский 1961а. – Ставиский Б. Я. Работы Магианской группы в 1958 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1958 г. Вып. VI. Сталинабад. 1961. С. 101–112.
- Ставиский 1961б. – Ставиский Б. Я. Работы Магианской группы в 1959 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1959 г. Вып. VII. Душанбе. 1961. С. 101–107.
- Ставиский 1964. – Ставиский Б. Я. Работы Магианской группы в 1961 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1961 г. Вып. IX. Душанбе. 1964. С. 127–130.
- Шишкина 1979. – Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент: Фан. 1979. – 165 с.

Раскопки поселения Вышестеблиевская-3 в 2013 г.

*Кашаев С.В. (Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург)
kashaevs@mail.ru*

В рамках «реконструкции железнодорожной станции Вышестеблиевская» Таманским отрядом ИИМК РАН проведены охранные археологические исследования поселения Вышестеблиевская-3 (Гос. № 4848) в Темрюкском районе Краснодарского края.

Поселение расположено на пологой, слабо понижающейся к юго-западу равнинной площадке, занимающей пространство между станциями Вышестеблиевская и Старотитаровская. Поселение вытянуто с северо-запада на юго-восток, форма границ неправильная, близкая к трапеции. Размеры памятника 540 x 500 м.

С запада на восток поселение пересекает железная дорога и линия электропередач. Центральная и южная части поселения расположены на пахотных полях, северная – на территории виноградников.

Раскоп вытянут вдоль линии железной дороги с запада на восток. По условиям работ его размер – 6 x 500 м, площадь 3000 кв. м. Исходя из размеров раскопа заложено две линии квадратов с буквенно-цифровой нумерацией. По линии север-юг буквенная нумерация (квадраты А, Б) по линии запад-восток цифровая (квадраты 1-100). Размер квадратов 5 x 5 м. Таким образом, по линии «А» получилось 100 полноценных квадратов размером 5 x 5 м, по линии «Б» 100 усеченных квадратов размером 1 x 5 м.

В соответствии с сеткой квадратов раскоп разбит на 50 участков размером 6 x 10 м каждый. Участки сформированы в соответствии с сеткой квадратов. В пределы одного участка попадают 4 квадрата, из них 2 полных и 2 усеченных. Например, в пределы участка 1 попадают квадраты А-1, А-2, Б-1, Б-2, в пределы участка 2 – квадраты А-3, А-4, Б-3, Б-4, в пределы участка 3 – квадраты А-5, А-6, Б-5, Б-6 и т.д. Нумерация участков сплошная, с запада на восток. Между участками оставлены промежуточные бровки. В ходе работы раскопки велись на нескольких участках одновременно, но на разных стратиграфических уровнях.

Основную массу находок в культурном слое и в исследованных комплексах составляют фрагменты керамических сосудов, большую часть из

которых – фрагменты тарных амфор греческого производства. В небольшом количестве встречены фрагменты лепной керамики, столовых гончарных сосудов и единичные фрагменты чернолаковых сосудов. Среди фрагментов амфор в основном встречаются обломки красноглиняных амфор таких центров производства как Хиос, Лесбос, Фасос, Гераклея, Синопа.

К ранним типам относятся хиосские пухлогорлые и протофасосские амфоры, датирующиеся первой половиной V в. до н.э. К более позднему периоду относятся хиосские прямогорлые и колпачковые, синопские, гераклеийские, фасосские амфоры, относящиеся к IV в. до н.э.

Фрагменты столовой красно- и сероглиняной посуды представлены в небольшом количестве. Таким образом, основной категорией находок являются фрагменты амфор различных центров производства.

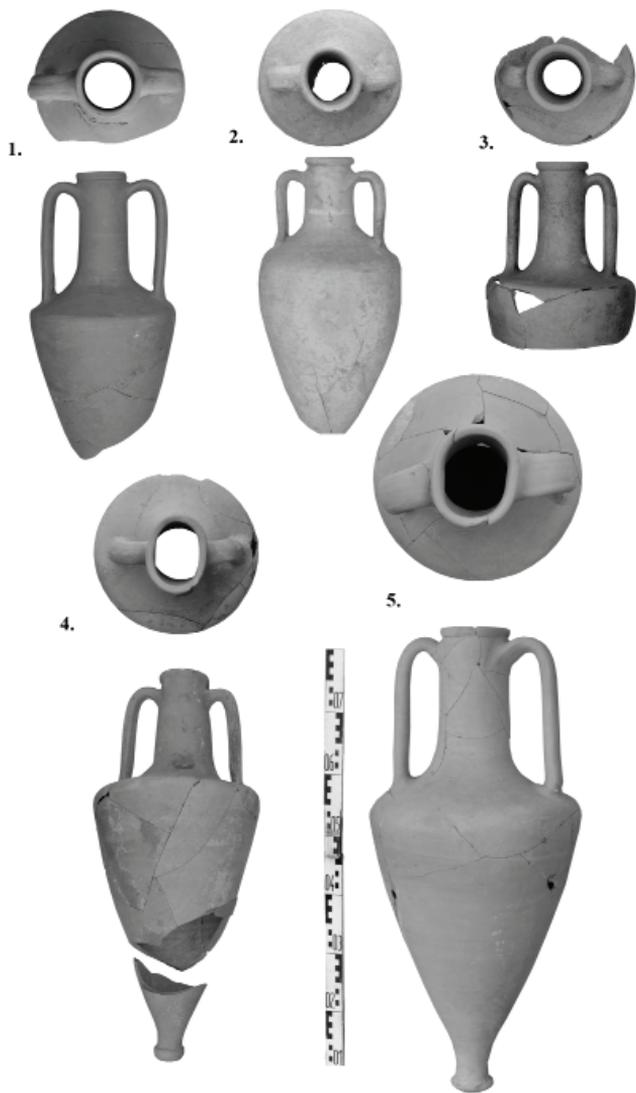
Суммарно все находки из культурного слоя можно отнести к V в. до н.э. – I в. н.э. Самые ранние находки можно отнести к концу VI или рубежу VI–V вв. до н.э.

В процессе раскопок обнаружено 32 различных объекта земляной архитектуры (хозяйственные ямы, «колодец» и «оборонительный ров»). Открытые археологические комплексы датируются V–II вв. до н.э.

В заполнении исследованных комплексов обнаружены фрагменты гончарной и лепной керамики. Наибольшее количество материалов – фрагменты керамических сосудов греческого производства, в основном амфор. Фрагменты амфор представлены как небольшими обломками стенок, так и крупными фрагментами профильных частей и почти целыми формами (рис. 1).

В яме 23 обнаружена верхняя часть амфоры (рис. 1, 1). Технологический шов между горлом и плечиком дополнительно герметизирован (замазан) чем-то наподобие черной смолы. На плечике дипинто (надпись) в виде буквы «Е». В яме 27 находилась почти целая синопская амфора с дипинто красной краской на плечике (рис. 1, 2). В яме 10 найдена верхняя часть амфоры (рис. 1, 3). На плечике у нее нацарапано граффито. Технологический шов между горлом и плечиком дополнительно герметизирован чем-то наподобие цемента.

Из ямы 14а происходит почти целая хиосская амфора (рис. 1, 4). На каждой стороне горла нанесено дипинто красной краской в виде

*Рис. 1. Амфоры с поселения Вышестеблиевская-3. 1 – яма 23; 2 – яма 27;
3 – яма 10; 4 – яма 14а; 5 – яма 25*

кружка и полумесяца. В яме 25 найдена целая амфора (рис. 1, 5). В ней аккуратно проделано три отверстия: одно в голе и два в тулове. На горле нацарапано граффито в виде буквы «W». К фрагментам амфор относятся и более 70 керамических клейм различных греческих центров (Синопа, Гераклея, Фасос, Родос, Херсонес и др.).

Чернолаковые и расписные сосуды аттического производства представлены в основном небольшими фрагментами, но найдены и археологически целые сосуды.

Находками, отражающими культовые представления древних жителей поселения, являются терракотовые статуэтки, изображающие наиболее почитаемых богинь – Деметры и Афродиты.

Среди находок имеются также предметы быта и вооружения – точильные камни, фрагменты светильников, наконечники стрел, свинцовое ядро пращи.

Обнаруженная при раскопках значительная серия бронзовых монет IV в. до н.э. – I в. н.э. (более 40 штук), после реставрации и атрибуции поможет в уточнении датировки открытых комплексов и памятника в целом.

Самыми уникальными и крайне важными для науки находками являются два греческих письма, написанных на фрагментах амфор.

Проведенные раскопки поселения Вышестеблиевска-3 в научном плане дали интересные и важные материалы, отражающие жизнь сельской округи Фанагории в V – I вв. до н.э.

В западной части раскопа на Участках 1–25 обнаружены комплексы и находки, относящиеся преимущественно к V в. до н.э. В восточной части – на Участках 25–50 – комплексы и находки относящиеся преимущественно к IV–II вв. до н.э. Зафиксированное хронологическое разделение материала может в общих чертах маркировать границы распространения жизни на памятнике в обозначенные исторические периоды.

Относительно небольшое количество находок на Участках 1–3 и Участках 48–50 показывает, что границы памятника определены в ходе разведок достаточно точно. Возможно лишь незначительное смещение восточной границы поселения в восточном направлении. Это может быть выяснено в ходе дальнейших раскопок в восточной части памятника.

Полученные в ходе раскопок материалы скорректировали наши первоначальные представления о ранее, никогда не подвергавшемся археологическим раскопкам, памятнике археологии «Поселение Выше-стеблиевская-3, Гос. № 4848». Это позволит уточнить его хронологию, торговые и культурные связи, род хозяйственной деятельности его населения, место поселения в системе расселения в античный период.

Грунтовое погребение на городище Чирик-рабат

*Утубаев Ж. Р. (Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан)*

utubaev_z@mail.ru

*Дарменов Р. Т. (Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан)*

darmenov_rustem@mail.ru

Городище Чирик-рабат было открыто маршрутным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1946 г., и вновь обследовано в 1948 и 1949 гг. В 1957–1958 гг. на Чирик-рабате были проведены рекогносцировочные раскопки под руководством Ю. А. Рапопорта и С. А. Трудновской. В ходе этих работ время существования городища, судя по наличию полуметрового культурного слоя под строением V в. до н.э. в стратиграфическом раскопе (раскоп № 5) на городище Чирик-рабат, последнее, вероятно, было столицей уже сакских племен, которая доживает до II в. до н.э. (Толстов 1962).

В 2004 г. начался новый этап археологического исследования памятников Чирикрабатской культуры. Институтом археологии Республики Казахстан были возобновлены археологические работы на городище Чирик-рабат, а также проводились разведывательные работы на древних руслах р. Сырдарья для выявления и дополнения имеющихся на сегодняшнее время базы известных археологических памятников (Курманкулов и др. 2005; Курманкулов и др. 2006; Курманкулов и др. 2007).

Основным объектом исследования стало грунтовое захоронение, находящееся на территории городища Чирик-рабат, в самом центре древней цитадели, между тремя царскими курганами с западной стороны и царским курганом с северо-востока, который был раскопан в 1950-е гг. Хорезмской экспедицией (начальник раскопа – Ю. А. Рапопорт).

Грунтовое захоронение до начала раскопок визуально прослеживалось как впадина. Дневная поверхность была усеяна красноватыми карбонатными образованиями и поросла местами мелкой растительностью. В центре довольно четко прослеживалась заполненная навеенным песком и поросшая травой грабительская воронка. Почва песчаная, из крупнозернистого песка, полученного при рытье могильной ямы или навеенного со стороны северо-восточного царского кургана, так как между ними расстояние не более 20 м. Песчаная насыпь царского кургана возвышается над грунтовым захоронением на 6 м.

Для выяснения характера погребения и возможности его вскрытия площадь кургана была разбита на четыре сектора двумя бровками по сторонам света. Длина каждой бровки 10 м и ширина 50 см. После снятия 50 см надувной насыпи выявлено, что погребение расположено в грунтовой яме, могильный выброс лежал на древней дневной поверхности. Могила прямоугольной формы, углы округлые, возможно, в связи с осыпанием мягкого грунта. Размер ее на поверхности – 5,30 x 3,80 м (направление продольной оси северо-запад – юго-восток). Погребальная яма на глубине 40 см от древней дневной поверхности образует платформу по всему периметру, ее ширина – 60 см. В центре ямы выявлена впускная камера, размером 300 x 168 см. Впускная камера обнаружена на глубине 1,10 м от реперной точки. Камера заполнена плотным слоем серого песка с глиняными натеками в виде линзы. Изучение погребальной камеры показало, что захоронение происходило в подбое. Подбой расположен в западной стороне камеры. Вся камера была заполнена обломками сырцовых кирпичей и фрагментами керамики. На глубине 2,68 м от реперной точки выявилась сырцовая стена, которая перекрывала подбой. Длина стены – 2,70 м, размер сырцовых кирпичей – 30 x 20 x 10 см. Стена повреждена, по всей видимости, древними грабителями, которые прорывались с северо-восточного угла камеры, местами видны следы орудий. В юго-восточном углу камеры, в 15 см от сырцовой стены подбоя, зафиксированы кости вперемешку с обломками сырцовых кирпичей и керамики. Расчистка показала, что тут в переотложенном виде лежали черепа и кости, выкинутые из подбоя. В общем, было выявлено 8 плохо сохранившихся человеческих черепов, вперемешку с берцовыми костями.

На глубине 47 см от верхней точки сырцовой стены обнаружена платформа-суфа вдоль всей стены. Платформа-суфа прорезана грабительским лазом, поэтому суфа сохранилась на ширину не более 40 см. В западном и юго-западном углу подбоя могильной ямы, на уровне

материкового слоя зафиксированы сырцовые кирпичи. Материк прослежен на глубине 3,18 м от реперной точки.

Погребальный инвентарь состоял из керамического сосуда, железного меча и железных наконечников (рис.1).

В настоящее время, судя по конструкции подбоя, мы можем заключить, что подбои, которые и по анализу погребального инвентаря более поздние, не выходят за рамки конца III – начала II вв. до н.э.

Предположительно, в III – II вв. до н.э. на смену ямам с дромосом, которые были ведущей формой для погребальных конструкций полуоседлого населения Чирикратской культуры, приходят подбойные захоронения. Неглубокие ямы сменяют подбои с впускной ямой в виде глубокой шахты, которые представляют собой вертикально вырытые

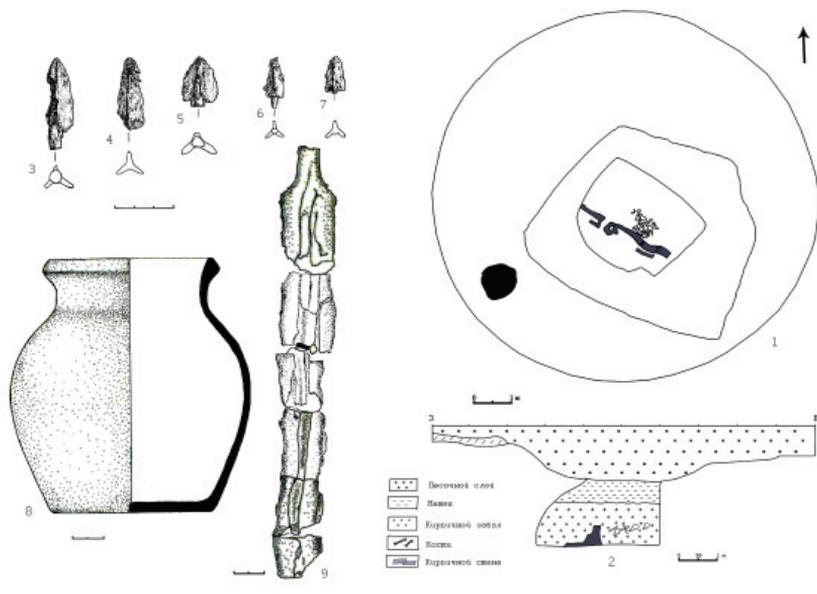

Рис. 1. 1-2 – План и разрез могилы, 3-7 – железные наконечники, 8 – керамический сосуд, 9 – фрагмент железного меча

прямоугольные или подквадратные в плане шахты-колодцы (?), глубиной до 4–5 м. В большинстве случаев, внизу такой вертикальной шахты, в ее западной части или с двух сторон устроен боковой подбой овальной формы, пол которого находился либо на одном уровне с дном шахты, либо на 25–50 см ниже. Погребально-поминальный обряд тот же, что и в ямах с дромосом. Это множественные захоронение в одной камере, по-видимому, членов одной семьи. При этом вертикальная шахта подбоя была открыта после захоронения одного из членов семьи, закладывался кирпичной стенкой только подбой.

Однако, говоря о подбойных захоронениях Чирикратской культуры нужно учесть, что этот обряд был распространен на огромной территории от Волго-Уральского региона до Средней Азии и Казахстана. Причины массового появления подбойных могил в отмеченных регионах много лет дискутируется в археологической литературе (Историография проблемы: Яблонский 1999). Многочисленные высказывания по этому вопросу могут быть сведены к двум основным утверждениям. Согласно одному, это явление должно быть связано с полной или частичной сменой населения, иногда – с заимствованием этого обряда (Бернштам 1951, с. 102–117; Обельченко 1956, с. 226–227; Заднепровский 1960, с. 136;). Другое утверждение сводится к тому, что развитие могил подбойных и катакомбных типов шло конвергентно, спонтанно и было связано главным образом с изменениями в религиозных верованиях (Акишев, Кушаев 1963, с. 253).

В настоящей работе мы не будем затрагивать данную тему, для нас более интересен вопрос о характере связей, бесспорно существовавших между культурными общностями сако-сарматского мира, и в какой степени они могли влиять на формирование подбойного погребального обряда чирикратской культуры.

Наиболее ранние подбойные захоронения мы встречаем в материалах тасмолинской культуры на территории Центрального, Восточного, Юго-Восточного и Северного Казахстана, где известно более десятка ранних подбойных погребений.

Самое раннее из них (могильник Карамурун 1, курган 5ж – бассейн реки Шидерты, Павлодарская обл.) датируется временем не позднее VII–VI вв. до н.э. Входная яма могилы была неправильной овальной формы, ориентирована по линии северо-запад–юго-восток. Подбой сделан под северо-восточной продольной стенкой, и первоначально вход в него был

заложен плитами. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Остальные подбойные погребения в могильниках тасмолинской культуры сосредоточены в зоне наибольшей концентрации ее памятников, то есть южнее Караганды.

Очень интересную картину погребального обряда дал курган 16 на левом берегу р. Нуртай у аула Канаттас. Прямоугольная входная яма была ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток и отгорожена от овального в плане подбоя вертикально поставленными плитами. Погребенный, в нарушение всех канонов тасмолинского обряда, лежал головой на юг-юго-восток. Череп его, носивший следы затылочной деформации, покоился, что нередко в курганах с грядами, на каменной плите. При погребенном были найдены, кроме передних ног барана, четыре трехперых бронзовых черешковых наконечника стрел. Курган был датирован не позднее V в. до н.э.

В общей сложности, на территории Северного, Центрального, Восточного и Южного Казахстана оказалось 11 подбойных погребений в основном VI–V вв. до н.э. (9 – VI–V вв. до н.э.; 2 – V–IV вв. до н.э.) с преобладанием северо-западной и западной ориентировок погребенных. Однако, ни для одной из археологических культур Казахстана этого времени подобные захоронения не характерны, так же, как и для памятников Южного Приуралья, где известны лишь три подбойные могилы V в. до н.э. (Смирнов 1964, с. 325, рис. 20, 6, 7; 31, 3–6).

Вместе с тем в изученных М. Г. Мошковой могильниках IV–II вв. до н.э. сарматской культуры число подбойных могил, по сравнению с савроматским временем, значительно увеличивается. Так, самые ранние подбойные могилы существуют уже в IV в. до н.э. (2% погребений), но большинство их относится к III–II вв. до н.э., когда они становятся одной из ведущих форм могил (16% погребений) (Мошкова 1963, с. 19–21, табл. I).

Среди ранних подбойных могил преобладают формы с широкой входной ямой (более 1 м), в III–II вв. до н.э. с узкой (уже 1 м). Сам подбой обычно по длине равен входной яме, реже превышает ее. По форме это может быть прямоугольник, овал, почти круг, ширина или глубина подбоя также колеблется от 0,3–0,4 м, куда не полностью помещался покойник, и до 1,5 м. Среди подбойных погребений Поволжья

III–II вв. до н.э. известны могилы с подбоями под обеими продольными стенками входной ямы (Краснополье, курган Е 14, погребенье 20). Подбой часто отделялся от входной ямы досками и жердями, поставленными вертикально или положенными продольно ветками, камнями (Мошкова 1963, с. 20, табл. 3).

Таким образом, можно сделать заключение, что могильные сооружения-подбой в восточном Приаралье генетически связаны с погребальной обрядностью ираноязычных кочевников степей Евразии. Подвижность, кочевников привела к распространению некоторых признаков погребальных сооружений на обширной степной полосе Евразии.

Список литературы

- Акишев, Кушаев 1963. – Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя история саков и уйсуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР. 1963. – 320 с.
- Берштам 1951. – Берштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1951. – 262 с.
- Заднепровский 1960. – Заднепровский Ю. А. Археологический памятник южных районов Ошской области (середина I тысячелетий до н.э. – I тысячелетий н.э.). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1960. – 176 с.
- Курманкулов и др. 2005. – Курманкулов Ж., Бирмуханова А., Калиева Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Чирик-рабат и в его окрестностях / Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. Алматы. 2005.
- Курманкулов и др. 2006. – Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Байтилей Д., Искаков А. Археологические исследования памятника Чирик-рабате и прилегающих районов / Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. Алматы/ 2006.
- Курманкулов и др. 2007. – Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А. Археологические исследования памятников городища Чирик-рабат / Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы. 2007.

- Мошкова 1963. – Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Наука. 1963. (Серия: Свод археологических источников. Вып Д1-10) – 51 с.
- Обельченко 1956. – Обельченко О. В. Кую-мазарский могильник // Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947–1953 гг. Алматы. 1956. С. 226–227 (Серия: Труды ИИА ИА Уз ССР. Вып. VIII).
- Смирнов 1964. – Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука. 1964. – 381 с.
- Толстов 1962. – Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Гл. ред. вост. лит. 1962. – 332 с.
- Яблонский 1999. – Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.: Издательство РАН. 1999. – 325 с.

Погребальные памятники Ордубадского района (Нахичеванская АР) в эпоху бронзы и раннего железа

*Алиев Э. Г. (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан)
elvinaliyev@yandex.ru*

Восточная часть Нахичеванской автономной республики, расположенная между Зенгезурскими и Карадагскими хребтами Малого Кавказа, богата археологическими памятниками разных исторических периодов. Внимание исследователей привлекают древние поселения и некрополи, сосредоточенные, в основном, в устьях рек Гиланчай, Ванандчай и Ордубадчай. Все эти речки являются притоками р. Аракса. Разрушаемые водой, эти поселения и некрополи в некоторых местах оказываются на поверхности земли. В этой предгорной зоне памятники эпох бронзы и раннего железа заметны даже невооруженным глазом, чему способствуют сухой климат и отсутствие растительного покрова.

Памятники густо расположены в долине р. Гиланчай, которая является второй по многоводности рекой Нахичевана. Здесь обнаружены и частично исследованы поселения и некрополи Пловдаг, Халы-Кешан, Мярдангёлу, Мунджуклутепе, Дямьялар, Кумлук и др.

Предметом исследования являются погребальные памятники Ордубадского района. В первую очередь это связано с тем, что территория Ордубада испокон веков находилась на перекрестке путей, ведущих с севера на юг и с запада на восток. Перевал около вершины Капыджика и окружающая данную территорию с севера долина р. Гиланчай играли важную роль в миграционных процессах. На любом историческом этапе ставится цель проследить этно-культурные и миграционные процессы, изучить проблемы этнической принадлежности археологических культур. Исследование погребальных памятников и погребальных обрядов при решении этих задач имеет огромное значение. Несмотря на то, что народы испытывают разные культурные влияния, тем не менее они сохраняют свои погребальные обряды. В связи с этим особо примечательны памятники Ордубадского региона, расположенного на востоке Нахичеванской автономной республики.

Погребальные памятники на территории Ордубада изучены относительно лучше чем поселения. Здесь исследованы некрополи Пловдаг I и Пловдаг II эпохи ранней и средней бронзы, а также некрополи Сумбатан, Халы-Кешан, Мардангель, Делме, Мунджуглутепе, Деирман дагы, Джар, Гумлуг, Демйелер, Иликли гая и другие эпохи поздней бронзы и раннего железа.

В некрополях региона исследованы подкурганые каменные ящики, подкурганые грунтовые погребения и склепы.

Могилы часто перекрыты монолитами из камня местного происхождения. Очень редко в погребениях встречаются следы обжига. Однако, это не свидетельствует о существовании здесь обряда трупосожжения. Наиболее древними погребениями здесь являются подкурганые каменные ящики. В последующие периоды появляются склепы. И подкурганые каменные ящики, и склепы имеют жертвенники. В основном жертвенники располагались в восточной части погребений. Устройство жертвенников достаточно сходно. Почти во всех погребениях присутствовали керамические сосуды. Скелеты были захоронены в скорченном положении на левом и правом боку, головой к востоку. Наблюдается сходство также в расположении могильного инвентаря. Инвентарь, главным образом был расположен либо у головы, либо у ног покойного.

Погребальные памятники Ордубадского района охватывают широкий исторический период, начиная с конца IV тыс. до н.э. до середины I тыс. до н.э. При детальном рассмотрении известных комплексов, в погребальной обрядности прослеживаются некоторые различия.

Погребальные памятники Ордубадского района отличаются от остальных как по конструкции могильной камеры, так и по погребальным обрядам. Вместе с тем, анализ археологического материала, технологии изготовления керамических изделий и предметов украшений, а также исследование орнаментальных элементов вполне соответствуют материалам Нахичевани в целом. Незначительные отличия, связаны, вероятно, с разницей в хронологии.

Однако, в археологических материалах из поселений и погребений Ордубада, особенно при изучении металлических изделий и керамики, прослеживается влияние Ходжалы-Кедабекской культуры. Как известно, памятники Ходжалы-Кедабекской культуры характеризуются серой керамикой, которая, как правило, украшена штампованным орнаментом.

Обнаруженные погребения можно разделить на следующие группы:

Основная часть некрополя Пловдаг I занимала юго-восточный склон горы. Погребения в основном были помещены в подкурганые каменные ящики. Исследователи выделили 3 типа погребений: курганы с грунтовым погребением, подкурганые каменные ящики с жертвенниками, подкурганые склепы. Во всех трех типах погребений прослеживается одинаковый обряд захоронения. В некрополе Пловдаг I, поверхность некоторых каменных ящиков покрыта деревом или камышом. В восточной части большинства погребений находились жертвенники. Покойники, как правило, были уложены на правый и левый бок, головой к востоку и юго-востоку. В правую руку погребенных был вложен сосуд, позади черепа были обнаружены кости мелкого рогатого скота. Погребения относятся к III–II тыс. до н.э.

Исследованные погребения некрополя Пловдаг II также представляют собой подкурганые каменные ящики. В восточной части погребений также находились жертвенники. Покойники захоронены головой к востоку. В отличие от некрополя Пловдаг I, в здешних жертвенниках встречаются целые туши животных. Эти погребения относятся к XVIII–XIII вв. до н.э.

Некрополь Сумбатан-Дизе по характеру напоминает пловдагский. Погребения совершались в каменных ящиках, которые относятся к концу II – началу I тыс. до н.э.

В Мардангельском некрополе встречены каменные ящики, которые также имеют жертвенники. На жертвенниках обнаружены только кера-

мические сосуды. Данный памятник исследователями отнесен к периоду поздней бронзы – раннего железа.

В некрополе Мунджуглутепе исследованы погребения в сооружениях типа склепов, в которых совершались вторичные захоронения, поэтому ориентацию скелетов установить невозможно. Однако, все погребения имели жертвенники. Памятник отнесен к эпохе раннего железа.

В Неби юрду на территории Гямигая был выявлен и исследован только один погребальный комплекс. Погребальная камера находилась в центре кромлеха, выстроенного из крупных и средних камней. Для постройки стен погребальной камеры были использованы в основном крупные камни. Поверхность камеры была перекрыта монолитной плитой. В могиле не было обнаружено остеологических останков. Возможно, погребение относится к концу III – началу II тыс. до н.э.

Некрополи Дейирман дагы, Джар, Демйелер, Гумлуг и другие. Памятники содержали погребения в каменных ящиках. Некоторые каменные ящики, были перекрыты монолитной плитой, в верхней части они были устроены из одного, а в нижней из двух крупных цельных камней. Верхняя часть стенки ящиков часто была сделана из одного крупного камня, лежащего на двух других камнях. Эти каменные ящики были отнесены к периоду поздней бронзы – раннего железа.

В настоящее время в Ордубадском районе изучены около 10 некрополей эпохи бронзы и раннего железа. Начиная 1980 г. под руководством Г. М. Асланова и Б. И. Ибрагимли на территории района проходили археологические раскопки, которые продолжались до начала 90-х гг. XX в. Совместно с поселениями изучались и погребальные памятники. В этот период исследованы некрополи Мунджуглутепе, Пловдаг I, Сумбатан, Халы-Кешан, Мардангель, Делме и др.

В некрополе Мардангель вместе с местными археологами работали и исследователи из Санкт-Петербурга И. Н. Медведская и Г. А. Кузнецова.

В 2003 г. в результате разведочных работ, проведенных Хараба-Гиланской археологической экспедицией на территории Ордубадского района было выявлено 2 новых некрополя. Один из этих некрополей расположен на территории села Сабир, в местности под названием Джар, возле канала Яйджи. В результате естественного разрушения, могилы оказались на поверхности. Была видна только восточная сторона мо-

гил. Могилы были обложены вокруг крупными камнями (напоминают пловдагские могилы).

В 2005 г. сотрудниками Института истории, археологии и этнографии Нахичеванского отделения НАНА были проведены разведочные работы в окрестностях села Тиви Ордубадского района. Во время этих работ восточнее села Тиви был исследован могильники Демйелер и Гумлуг (Асланов и др. 2002). В настоящее время, на археологической карте района известны больше 10 некрополей.

Итак, в результате археологических исследований, проведенных в восточной части Нахичевана на территории Ордубадского района были выявлены и изучены несколько новых поселений и некрополь эпохи бронзы и раннего железа. Судя по многочисленности таких памятников, территория Азербайджана вполне может считаться одной из основных областей Кавказа, довольно интенсивно освоенных в IV–III тысячелетиях до н.э. племенами-носителями Куро-араксской культуры. Всестороннее изучение памятников района, включающего в себя несколько некрополей и поселений, станет важным этапом в исследовании истории, культуры и хозяйственной жизни древних племён Нахичевана.

Список литературы

Асланов и др. 2002. – Асланов Г. Г. Ибрагимов Б. И., Кашкай С. М. Древние некрополи Хараба-Гиляна Баку: Национальная Академия наук Азербайджана. 2002. – 56 с.

Украшения рук в детских (до-взрослых) погребениях Бояновского могильника¹

*Моряхина К. В. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)
ktoryaxina@mail.ru*

Детство – это важный и интересный этап в нашей жизни. Именно в этот период происходит воспитание и становление личности. В по-

---

¹ Материал подготовлен при поддержке проекта 050-М Программы стратегического развития ПГГПУ

следнее время в исторической науке вслед за гендерной историей, историей повседневности, микроисторией возрастает интерес и к истории детства. Данное направление истории предполагает изучение воспитания ребенка и отношения к нему у разных народов, предметы детского быта и прочее. Это напрямую отразилось на музейных выставках. Все чаще появляются экспозиции, временные выставки, посвященные детским игрушкам, костюму, быту ребенка. Даже есть целые музеи детства в Лондоне, Эдинбурге, Оттаве, Новосибирске, Барнауле, Самаре, Томске.

Пермским исследователем Г. И. Вострокнутовой была разработана концепция музея археологии и этнографии Пермского края. В экспозиции предполагаются следующие блоки: детский костюм, детские обереги и ритуалы, связанные с детьми, трудовое воспитание, игрушки. В археологии наибольшую информацию о детстве можно извлечь из погребального обряда (Вострокнутова 2011, с. 14–17). Г. И. Вострокнутовой были отмечены и особенности детского средневекового костюма в сравнении со взрослым по материалам раскопок в Пермском Предуралье. Погребальная маска в детских погребениях представлена наротниками и наглазниками, в то время как во взрослых погребениях – полная маска. В погребениях первого детства встречаются проволочные височные кольца, кольца с литой привеской в бипирамидальной грозди и с привеской в виде полого шарика, во взрослых погребениях встречаются и другие типы височных колец (например, с привеской в виде конуса) (Радостева 2010, с. 171–173). В детских погребениях помимо погребальных масок, височных колец, встречаются браслеты, перстни, пряжки, ременные накладки, ножи, наконечники стрел, керамика.

В данной работе мы рассмотрим украшения рук в детских погребениях Бояновского могильника. Бояновский могильник расположен на правом берегу р. Исток, в 170 км к северо-востоку от д. Бояново, в Добрянском районе Пермского края. На памятнике проходили раскопки в 1951, 1953 гг. под руководством В. А. Оборина, с 2005 г. по настоящее время под руководством А. В. Данича. На памятнике было вскрыто 283 погребения, из них – 33 детских (Данич 2012, с. 10–19). Антропологический анализ был проведен научным сотрудником Пермского научного центра УрО РАН Н. Г. Брюховой. Бояновский могильник датируется IX–XI вв. и относится к позднему этапу ломоватовской культуры.

Украшения рук в погребениях индивидов первого детства не представлены, встречаются лишь во втором детстве (6–13 лет), когда погребальный обряд максимально приближен ко взрослому. Браслеты в детских по-

гребениях встречаются в 7 экз. (в 21,2% детских погребений), что составляет всего 8% от общего количества браслетов, найденных на Бояновском могильнике. Браслеты встречаются трех типов: дровяные округлые в сечении с кружковым орнаментом или без орнамента (2 экз.), витой торсированный с уплощением на концах (1 экз.), пластинчатые браслеты (4 экз.). Пластинчатые браслеты представлены в четырех вариантах: простой без дополнений, с отогнутыми концами, расширенными концами, с зерно-сканным орнаментом. Данные типы браслетов встречаются и во взрослых погребениях, за исключением браслета украшенного зернью и сканью. Но помимо этого во взрослых погребениях встречаются граненые и витые торсированные браслеты. Браслеты найдены в погребениях индивидов 6–10 лет.

Перстни встречаются в детских погребениях всего в 3 экз. (в 9% детских погребений), что составляет 4,3% от общего количества перстней. Перстни представлены одного типа – цельнолитые перстни со вставкой. В качестве вставки использовалось синие стекло или сердолик. Перстни такого типа характерны для ломоватовской культуры (Голдина 1985, с. 36) и на Бояновском могильнике встречаются в 33 экз. (45,8%). Примечательно, что в детских погребениях не встречаются перстни с серебряным «колпачком» на месте щитка, которые получили широкое распространение в X–XI вв. в Пермском Предуралье (Крыласова, Подосенова 2008, с. 135–136). На Бояновском могильнике перстни-«колпачки» встречаются в 20 экз. (27,7%). Перстни найдены в погребениях индивидов 6–7 лет.

Таким образом, украшения рук появляются в погребениях индивидов второго детства и не являются характерным атрибутом детских погребений. В детских погребениях встречаются наиболее типичные украшения рук для данного периода, которые также представлены и во взрослых погребениях. Если провести аналогию с современным миром, то и сейчас дети редко носят браслеты и кольца.

Список литературы

- Голдина 1985. – Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1985. – 279 с.
- Данич 2012. – Данич А. В. Отчет о раскопках Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2012 г. // Архив лаборатории КААЭЭ ПГПУ. Пермь.. 2012.

Крыласова, Подосенова 2008. – Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Материальная культура средневекового Предуралья. Часть 1: Культура жизнеобеспечения. Пермь. 2008. – 352 с.

Радостева 2010. – Радостева Г. И. Детские (до-взрослые) погребения Бояновского могильника // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества: XIII Бадеровские чтения (Ижевск, 22–23 апреля 2010 г.) Ижевск: Издательство УдГУ. 2010. С. 170–174.

Краснофигурный килик из раскопок поселения Вышестеблиевская-3

*Драчева Е. Ю. (Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет Профсоюзов, Санкт-Петербург)
blow-ball@yandex.ru*

В 2013 г. при раскопках поселения Вышестеблиевская-3 в хозяйственной яме 22 был найден краснофигурный килик. Сохранилось около 60–70% сосуда, некоторые фрагменты и одна ручка утрачены (рис. 1).

Краснофигурный глубокий килик на низком профилированном кольцевом поддоне. Валикообразный венчик отогнут наружу, под венчиком широкий рельефный желобок. Петлевидные ручки, слегка изгибаясь, поднимаются вверх, присоединялись они примерно посередине тулова. На внутренней стороне дна присутствует штампованный орнамент, состоящий из оттиснутой центральной розетки, окруженной вдавленным пояском, шести пальметок, соединенных дугами и образующих единую композицию. Все это окружено рядом штампованных ов, расположенных над вдавленным пояском. Внешняя сторона дна оставлена в цвете глины, центр обозначен точкой. Вокруг нее три тонких и одна широкая кольцевые полосы лаком. На дне процарапано графитто из четырех букв: первая буква «О» или «Р», вторая – «А» или «Δ», третья – «Υ», четвертая «Λ». Над правой гостой третьей буквы процарапано буква «I» или «Υ», хотя возможно это случайные царапины. В целом наиболее вероятная комбинация букв получается такой «ОДΥΛ». Сосуд покрыт черным блестящим лаком глубокого тона.

Рис.1 Поселение Вышестеблиевская-3, прорисовка росписи килика из ямы 22

Внешние стороны килика украшены росписью. На стороне А изображены две обнаженные мужские фигуры, обращенные друг к другу лицом. Мужчина слева находится в сидячем положении (сидячей позе), хотя кресло или табурет не прорисованы. Правая рука поднята и согнута, кисть расположена на уровне плеча. Сохранившаяся часть левой руки приподнята, вытянута вперед. Правая нога на переднем плане и немного заслоняет левую. На голове белой краской изображена лента или венок. Фрагмент с изображением лица утрачен. За спиной и в нижней части фигуры изображена ниспадающая драпировка одежды (плащ или гиматий).

Мужчина справа изображен в движении, идущим к первому персонажу, колени слегка согнуты. Левая рука согнута в локте, кисть находится в области талии, упирается в бок. Сохранившаяся часть правой руки поднята и вытянута вперед. Изображение лица сохранилось, глаз обозначен точкой, бровь линией, рот немного приоткрыт.

Между двумя этим фигурами находится круглый предмет оставленный в цвете глины, возможно мяч или диск, в центре которого изображен гаммадион (свастика). Между лучами гаммадиона черным лаком поставлены точки.

На стороне Б так же изображены две обнаженные мужские фигуры, обращенные лицом друг к другу. Большая часть изображенной слева фигуры утрачена, сохранились только ноги. Левая нога этого персонажа сильно согнута в колене и поставлена на камень(?) прямоугольной формы. Правая нога слегка согнута в колене. Скорее всего, он стоит, наклонившись вперед к собеседнику.

Фигура справа расположена в сидячей позе, кресло или табурет вновь не прорисованы, торс немного отклонен назад. Поза этого персонажа аналогична левой фигуре на стороне А, но в зеркальном отражении. Левая рука согнута в локте и расслаблена, как будто, опирается на подлокотник, кисть руки свободно свисает. Правая рука поднята, согнута в локте, ладонь с согнутыми пальцами обращена к лицу. Левая нога на переднем плане и немного заслоняет правую. Голова этого персонажа сохранилась полностью, глаз обозначен точкой, бровь линией, рот немного приоткрыт, волосы короткие кудрявые. За спиной и в нижней части фигуры справа изображена ниспадающая драпировка одежды (плащ или гиматий).

Все четыре мужские фигуры оставлены в цвете глины, контуры тел, мускулатура, ключицы и складки одежды даны тонкими линиями. Некоторые части тел, например кисти рук и пальцы, изображены с нарушением пропорций – гипертрофированно крупными. Гениталии всех фигур изображены символически, детали не проработаны, изображение неразборчивое. В целом сюжет можно трактовать как изображение атлетов.

Изображения на сторонах А и Б ограничены справа и слева массивными завитками. Наиболее полно такой завиток сохранился на стороне Б справа. Пространство между ручками орнаментировано крупными пальметтами, заключенными в волютообразные линии растительного усика.

В качестве аналогий нашему килику по форме и росписи можно привести несколько сосудов:

1) Килик, найденный В. В. Шкорпиллом в 1913 г. при раскопках кургана в Пантикапее (Ягги, Лазенкова 2012, с. 115–117). Автор относит

его к работе мастера Q круга Йенского мастера и датирует первой четвертью IV в. до н.э. На росписи изображены атлеты.

2) Килик из погребения 44 кургана 4, в могильнике Уляп, датированный началом IV в. до н.э. (Лесков и др. 2005, с. 108, рис. 34.4; с. 76). На росписи изображены атлеты.

3) Килик из некрополя Панское I, датированный 410–390 гг. до н.э. (Рогов 2011, с.115; с. 170, рис. 41.7). Сосуд находился в могиле M04, принадлежавшей молодой женщине, найден в 1973 г. (Щеглови др. 1974, с. 366). Повторно опубликован К. С. Горбуновой в 1977 г., которая относит этот сосуд к кругу мастера чаши из Йены и датирует около 400 г. до н.э. (Горбунова 1977, с. 42). На росписи изображен Аполлон верхом на грифоне, менада и силен.

4) Килик из некрополя Пичвнари, найденный на ритуальной площадке (Vickers, Kakhidze 2004, p. 418, fig. 259). На росписи изображены атлеты.

5) В материалах Афинской Агоры аналогичные сосуды датированы началом IV в. до н.э. (Sparkes, Talkott 1970, № 617, 621, 622; Moog 1997, № 1343, 1344, 1345, 146, 1349, 1350). На большинстве этих фрагментов в росписи так же присутствуют атлеты.

В качестве аналогий сюжета росписи можно привести фрагмент килика из собрания музея Пола Гетти в Лос-Анджелесе (De Puma 2000, № 38), на котором изображены две мужские фигуры. Мужчина, расположенный слева, поставил ногу на камень, наклонившись вперед, он обращен лицом к собеседнику. Мужчина справа стоит, подняв кисть правой руки к лицу. Правее его головы расположен круг с гаммадионом.

Приведенные аналогии позволяют предположить, что килик из Выше-ствеблиевской-3 датируется первой четвертью IV в. до н.э. и близок по росписи к работам мастера Q круга Йенского мастера, работавшего в это время.

Список литературы

Горбунова 1977. – Горбунова К. С. Краснофигурный килик найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М.: Наука. 1977. С. 41–45.

- Лесков и др. 2005. – Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. М.: Наука. 2005. – 192 с.
- Рогов 2011. – Рогов Е. Я. Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму (Серия: МАИЭТ. Supplementum. Вып. 10). Симферополь: Центр археологических исследований БФ «Деметра». 2011. – 216 с.
- Щеглов и др. 1974. – Щеглов А. Н., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л. Исследования Тарханкутской экспедиции // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука. 1974. С. 365–367.
- Ягги, Лазенкова 2012. – Ягги О., Лазенкова Л. Аттические краснофигурные вазы IV в. до н.э. Киев: Издательство «Мистецтво»; Фонд «Деметра». 2012. – 344 с.
- Moor 1997. – Moor M. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora, Vol. 30, New Jersey. 1997.
- De Puma 2000. – De Puma R. CVA The J. Paul Getty Museum: Fascicule 9.
- Sparkes, Talkott 1970. – Sparkes B., Talkott L. The Athenian Agora, Vol. VII. Black and Plain Pottery. New Jersey. 1970.
- Vickers, Kakhidze 2004. – Vickers M., Kakhidze A. Pichvnari 1998-2002. Greeks and colchians on the east coast of the Black sea. Oxford: Oxbow Press. 2004.

Вопросы сохранения памятников истории и культуры и их популяризация

Работа по сохранению памятников, находящихся в прибрежной зоне Куйбышевского водохранилища (на примере городища Чертов городок)

*Каравашкина Е. А. (Удмуртский государственный университет, Ижевск)
elena_k_1990_ul@mail.ru*

Необходимость в охранно-спасательных работах на территории нашего региона возникла в 1938 г. в связи со строительством Куйбышевского водохранилища, когда началось полномасштабное обследование территории затопления. Работами занималась Куйбышевская археологическая экспедиция под руководством А. П. Смирнова (Смирнов 1938). Именно по итогам работы этой экспедиции был открыт новый памятник – городище Чертов городок. В 1954 г. памятник был обследован Куйбышевской археологической экспедицией под руководством Т. А. Хлебниковой (Хлебникова 1954).

Городище располагается в 7 км к юго-западу от села Кременки Старомайнского района и занимает южную часть мыса полуострова на левом берегу Волги (рис. 1). Памятник с трех сторон омывается водами Куйбышевского водохранилища (раньше восточная часть омывалась речкой Урень). Площадка городища с севера и юга защищена оборонительной линией из двух валов и рвов. В северо-восточной части имеется возвышенная на 2–3 м искусственно эскарпированная территория детинца подковообразной в плане формы размерами 50 х 50 м. Общая площадь укрепленной части около 1,3 га. На территории городища еще в 1993 г. были выявлены материалы культуры ранних болгар в совместном залегании с материалами именьковской культуры (Семькин 1994, с. 4–5).

Куйбышевское водохранилище по сей день наносит невосполнимый вред памятникам Ульяновской области. В частности, только на территории Чертова городка каждый год обрушивается около двух метров береговой линии по всей длине памятника.

С 1993 по 1996 гг. экспедицией Ульяновского государственного педагогического университета под руководством Ю. А. Семькина проводились

Рис. 1. Городище Чертов городок. Инструментальная съемка Э. Л. Дубмана 1977 г. и Ю. А. Семькина. 1996 г.

исследования городища Чертов городок (Семькин 1997, с. 56–58). По итогам трех лет полевых работ были исследованы оборонительные сооружения: в северной части, северо-восточной и юго-западной частях памятника были сделаны разрезы валов. Кроме того, охранные раскопные работы проводились на территории детинца, расположенного в северо-восточной части. На территории детинца было обнаружено сооружение, которое Ю. А. Семькин интерпретировал как языческое святилище (Семькин 2000).

Работы на памятнике возобновились в 2004 году. Среди находок особый интерес представляют собой два погребения, одно из которых было отнесено к именьковской культуре, а второе – к ломоватовской (Семькин 2004).

В 2011 г. были продолжены работы на городище Чертов городок, в составе совместной русско-болгарской экспедиции. Финансированием

работ занимался комитет Ульяновской области по культурному наследию. В состав экспедиции входили студенты УлГПУ и студенты из болгарских университетов. Экспедицией проводились работы на части памятника, которая была наиболее подвержена разрушению – южная и западная части памятника. За время работы экспедиции было исследовано 450 кв. м площади, в том числе два сооружения и сделаны разрезы двух оборонительных линий. Особую озабоченность во время работы экспедиции вызывала деятельность туристов, которые приезжали отдыхать на берег Волги. В результате, во время работы экспедиции возникла необходимость в круглосуточной охране раскопа, так как каждый день с раскопа пропадали колышки, а хозяйственные ямы воспринимались отдыхающими как ямы для мусора. Так же был случай, когда туристы поставили палатку прямо на раскопе. Большой вред памятнику наносят черные археологи. На территории памятника в разные годы были обнаружены грабительские ямы.

Обследование памятника в 2013 году выявило новые повреждения, которые повлекли за собой обрушение нескольких хозяйственных ям. На данный момент территория памятника отдана в частные руки и доступ посторонних лиц на территорию памятника закрыт. Большую озабоченность вызывает деятельность частного предпринимателя, который строит около территории памятника турбазу. По заверениям владельца, все постройки не должны были разрушать берег и находиться на сваях в пределах акватории, однако это грубо нарушается. На период июля 2013 г. на берегу было возведено несколько деревянных построек, которые стоят на золотоордынском поселении в непосредственной близости от городища. Так же владельцем был установлен забор, который мешает археологам беспрепятственно попадать на территорию памятника.

Для дальнейшего сохранения памятника необходимо, чтобы владелец турбазы подписал охранное обязательство и сотрудничал со специалистами. Также необходимо, чтобы администрация района выделила ставку инспектора по надзору за памятниками, который мог бы своевременно сообщать о разрушениях.

Список литературы

Семькин 1994. – Семькин Ю. А. Отчёт об охранно-спасательных археологических исследованиях городища “Чёртов городок” в Старомайском районе Ульяновской области в 1994 году / Архив ИА РАН. Р-1 № 18947

- Семыкин 1997. – Семыкин Ю. А. Исследования на территории Чертова городка // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) Тез. науч. конф. Самара. 1997. С. 56–58.
- Семыкин 2000. – Семыкин Ю. А. Отчет археологической экспедиции Ульяновского государственного педагогического университета об охранно-спасательных исследованиях в 1996 году в Старомайском районе Ульяновской области на территории городища “Чертов городок” и в Ульяновском районе на территории Староалейкинского городища / Архив УлГПУ.
- Семыкин 2004. – Семыкин Ю. А. Отчет археологической экспедиции Ульяновского государственного педагогического университета об охранно-спасательных исследованиях в 2004 году в Чердаклинском, Старо-майском, Вешкаймском и Ульяновском районах Ульяновской области по открытым листам 1-й формы N 163 и 2-й формы N 1104 / Архив УлГПУ.
- Смирнов 1938. – Смирнов А. П. Отчет о работе III отряда на левом берегу Волги от Ульяновска до Старой Майны в 1938 г. / Архив ЛОИА, ф. 35, № 56, 56а.
- Хлебникова 1954. – Хлебникова Т.А. Дневник разведывательных работ 2-го отряда Куйбышевской археологической экспедиции (район р. Майны, Ульяновская обл.) / Архив археологического (II) отдела ГИМ. № 288.

Исследования комплекса памятников у с. Глинское Полтавской области в контексте популяризации археологического наследия

*Пуголовок Ю. А. (Центр охраны и исследований памятников
археологии управления культуры Полтавской областной
государственной администрации, Полтава, Украина)
raudbard@ukr.net*

Среди археологических памятников Днепровского Левобережья Украины, принадлежащих к эпохе средневековья, выделяется Глинский археологический комплекс, относящийся к категории памятников национального значения (охранный номер 160017-Н). Комплекс расположен в с. Глинское Зеньковского района Полтавской области, в 0,8 км от южной окраины Бельского городища. Основная его часть занимает мысообразные выступы

правого коренного берега р. Ворскла, а также пойменные участки. Общая площадь памятника составляет около 14 га. В его состав входят Большое и Малое городища, посад, неукрепленные селища, а также курганный могильник. По причине отсутствия выраженного хозяйственного воздействия на памятник, можем констатировать неплохую сохранность его составляющих. Площадки городищ сохранили следы въездных конструкций, эскарпов, рвов, деревоземляных стен, колодцев.

Впервые данные о комплексе памятников в Глинском привел В. Г. Ляскоронский, который описал укрепления и снял схематический план (Ляскоронский 1907, с. 180–182). В дальнейшем работы исследователей также ограничивались разведками. В разное время тут работали И. И. Ляпушкин (Ляпушкин 1961, с. 249), М. П. Кучера и О. В. Сухобоков (Древнерусские поселения 1984, с. 169–170). Стационарные исследования комплекса проводились в 1997–1999 гг экспедицией под руководством О. Б. Супруненко. На малом городище было исследовано жилище роменской культуры, с отлично сохранившимися частями конструкции и репрезентативной коллекцией различных бытовых предметов (Кулатова и др. 1998, с. 91–92). Также, проводились работы на Большом городище, курганном могильнике и в округе памятника (Золотницка, Супруненко 1999, с. 188–211; Мироненко 1998, с. 113–114). Начиная с 2011 г. раскопки на памятнике возобновлены. Целью этих работ стали научно-спасательные исследования на месте разрушения культурного слоя на одном из участков посада, где выявлены остатки жилищно-хозяйственной застройки, а также несколько захоронений женщин и детей. Датируются обнаруженные комплексы второй половиной XIII – XIV вв. (Пуголовок 2012, с. 75–80; Пуголовок 2012а, с. 370–371; Котенко, Пуголовок, 2013. С. 121–125) (рис.1).

В результате раскопок установлено, что освоение округа Глинска славянским населением происходит в последней трети I тыс. н.э., когда в пойме Ворсклы появляются небольшие селища. Однако, весь потенциал этих земель раскрывается с появлением на Глинских холмах укреплений летописных северян, которые начинают активное хозяйственное освоение прилегающих территорий. Ведущее место в их экономике занимало земледелие. Население выращивали просо, пшеницу, рожь и ячмень. Из домашних животных держали быков, коров, коз, овец, свиней, собак и птиц. Кроме этого, они занимались охотой и рыболовством, о чем свидетельствуют находки костей медведей, косуль, куниц, бобров и карповых рыб. Фиксируются следы производства черного и цветного металла, косторезного, деревообрабатывающего и гончарного дела. О торговых связях этого населенного пункта свидетельствуют находки сердоликовых

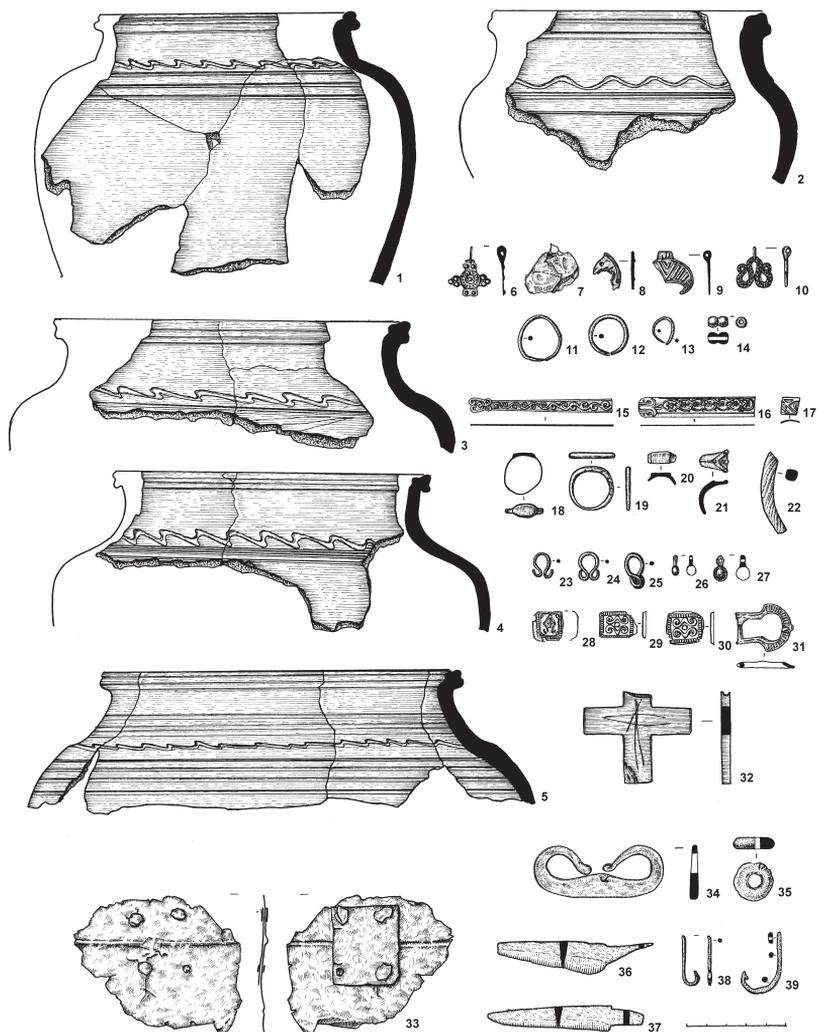

Рис. 1. Глинское. Находки с охранных раскопок на посадке. 1–5 – керамика; 6–10, 32 – привески; 11–12 – височные кольца; 13 – серьга; 14 – бусина; 15–17, 22 – браслеты; 18–21 – кольца и перстни; 23–31 – детали украшения одежды; 33 – фрагмент казана (?); 34 – кресало; 35 – свинцовое пряслице; 36–37 – ножи; 38–39 – рыболовные крючки. 1–5 – глина; 6–21, 26–31, 33 – медный сплав; 14, 22 – паства, стекло; 23–25, 34, 36–39 – железо; 32 – сланец; 35 – свинец

и золотостеклянных бус, которые могли попасть на Глинск торговыми путями из Булгара и Византии.

На древнерусском этапе своей истории этот северянский пункт превращается в государственную пограничную крепость, при этом не теряет своего значения для торговых связей, о чем, например, свидетельствуют находки необработанного янтаря. С приходом на Русь монголов, как и в большинстве «градов», численность населения в Глинском сокращается. Однако из-за отсутствия источников, выявить перерыв в его существовании пока сложно. Возможно, что населением не использовались укрепления, а их усадьбы размещались на открытых селищах. На обстоятельства и время прекращения существования этого населенного пункта указывают сожжённые постройки и остатки убитых в своих домах людей. На основании археологических находок эти события связываются со второй половиной – концом XIV в.

В дальнейшем упоминания о Глинске в исторических источниках встречаются не часто. К ним относится, в частности, сообщение в родовой легенде князей Глинских, при перечислении их вотчинных городов, и в польских документах XVII в.

Уникальность Глинского комплекса заключается в сохранности его составляющих, а также в привлекательной для туристов местности. В связи с этим появилась возможность привлечения к археологическим исследованиям волонтеров молодежных общественных организаций, а также учащихся школ г. Полтавы. Подобное сотрудничество археологов и общественности для удовлетворения интересов всех сторон делает возможным создание сначала сезонного, а затем и стационарного «археодрома» на базе археологической экспедиции. Процесс подготовки такого проекта предусматривает создание условий проживания, обеспечения научными кадрами и сотрудничество с образовательными учреждениями, общественными организациями. Кроме этого, возможно и осуществление экспериментальных исследований по воссозданию древнего ремесла, а позже – натуральных реконструкций жилых и хозяйственно-бытовых объектов северян и населения времени Киевской Руси.

На сегодня можем констатировать, что благодаря сотрудничеству с общественностью осуществлен ряд мероприятий, направленных на уменьшение разрушения культурных наслоений местным населением, предотвращение грабительских раскопок собирателями антиквариата. За период изучения памятника исследованы участки разрушенных куль-

турных наслоений, пополнены коллекции Музейного фонда Украины, налажено сотрудничество с археозоологами и палеоботаниками, подготовлен ряд публикаций, в том числе научно-популярных.

К вопросам, требующим безотлагательного решения, следует отнести создание уточненного плана археологического комплекса, картографирование разновременных объектов его территории, установление охранных знаков нового образца, расширение сотрудничества с Историко-культурным заповедником «Бельск» в вопросах подготовки объектов заповедника для демонстрации и проведения охранных мероприятий, включение Глинского археологического комплекса в маршруты экскурсий, популяризацию результатов проведенных раскопок.

Список литературы

- Древнерусские поселения 1984. – Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Археологическая карта. / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев.: Наукова думка. 1984. – 196 с.
- Золотницька, Супруненко 1999. – Золотницька Т. М., Супруненко О. Б. Глинський курганний некрополь // Полтавський Археологічний Збірник 1999 до 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень / Ред. О. Б. Супруненко. Полтава: «Археологія». 1999. С. 188–211.
- Кулатова и др. 1998. – Кулатова І. М., Гейко А. В., Золотницька Т. М., Мироненко К. М., Супруненко О. Б. Дослідження Глинського археологічного комплексу // АБУ 1997–1998 рр. / Ред. Д. Н. Козак. К. 1998. С. 91–92.
- Ляпушкин 1961. – Ляпушкин И. И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа // Материалы и исследования по археологии СССР, № 104. М-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1961. – 381 с.
- Ляскоронский 1907. – Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе, 1905 г. Т. I. М. 1907. С. 158–198.
- Мироненко 1998. – Мироненко К. М. Розвідки в південній окрузі великого укріплення Більського городища та на Нижньому Пслі // АБУ 1997–1998 рр. / Ред. Д. Н. Козак. К. 1998. С. 113–114.

Пуголовков 2012. – Пуголовков Ю. О. Глинський археологічний комплекс: результати та перспективи досліджень // Феномен Більського городища: дослідження, збереження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки раннього залізного віку: Зб. наук. праць та м-лів наук. конф. / Ред. О. Б. Супруненко. К. 2012. С. 75–80.

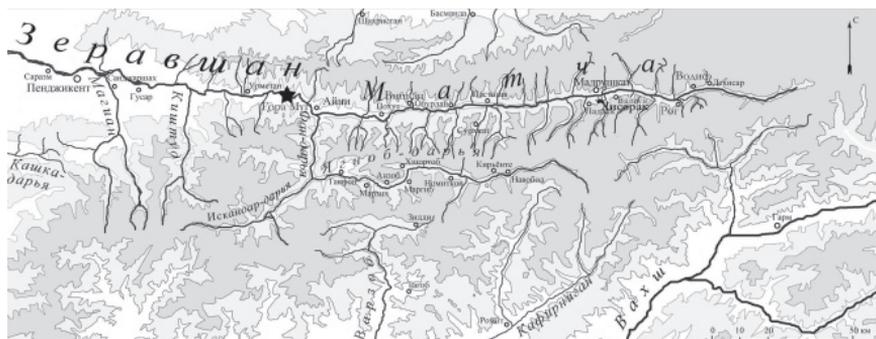
Пуголовков 2012а. – Пуголовков Ю. О. Дослідження на посаді Глинського городища // АДУ-2011 / Ред. Д.Н. Козак. К.-Луцьк. 2012. С. 370–371.

Котенко, Пуголовков 2013. – Котенко В. В., Пуголовков Ю. О. З досвіду проведення науково-рятивних досліджень Глинського археологічного комплексу // Старожитності Лівобережного Подніпров'я / Ред. О. Б. Супруненко. К.-Полтава. 2013. С. 120–125.

**Судьба наследия согдийской цивилизации:
проблемы сохранения археологического памятника
«Замок на горе Муг»**

*Пулодов А. Г. (Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусства, Санкт-Петербург)
pulodov-abdu89@mail.ru*

Планомерное археологическое исследование, как в Таджикистане, так и в Зеравшанской долине началось после второй мировой войны (с 1946 г.), но уже до войны были изучены некоторые аспекты истории и культуры народов Средней Азии, в том числе таджиков. С территории Верхнего Зеравшана началось историко-археологическое изучение согдийской цивилизации – феномена Центральной Азии V–IX вв. н.э. В истоках научных достижений, в области изучения истории материальной культуры данного региона, стоят знаменитые в археологической науке согдийские документы из замка на горе Муг (рис. 1). Однако памятник, имеющий большое значение в историческом контексте, значение которого для изучения согдийской письменности, согдийского искусства и культуры сложно переоценить, который может стать важным культурно-познавательным объектом и ключевым пунктом туристического маршрута, за прошедшие десятилетия сильно пострадал и его сырцовая архитектура остается без должного ухода.

Рис. 1. Карта верховья Зеравшана. Местоположение замка на горе Муг указано звездочкой

На горе Муг (Кал'аи Муг, или Кал'аи кухи Муг) местным пастухом – жителем селения Хайрабад (Хайробод) нынешнего Айнинского района (в то время Захматабадского района, Таджикской ССР) весной 1932 г. была случайно найдена корзина с согдийскими документами. В 1933 г., по указанию руководящих органов Таджикистанской базы АН СССР, в составе А. А. Фреймана (руководитель экспедиции), А. И. Васильева и В. А. Воробьева, была организована специальная археологическая экспедиция в верховья Зеравшана, целью которой было археологическое изучение замка на горе Муг (Фрейман 1934а, с. 9). Также в 1946 г. сотрудникам Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ), памятник был заново зачищен и вновь обмерен архитектором В. Л. Ворониной (Якубовский 1950, с. 24; Воронина 1950, с. 190).

В результате исследования данного памятника было найдено около 400 предметов материальной культуры, в частности, первый образец согдийской живописи – щит с изображением воина¹, и более 75 рукописных документов, принесших этому памятнику всемирную известность (Лившиц 2008, с. 11). Итогам археологических раскопок на горе Муг были посвящены несколько научных статей и сообщений, опубликованных в «Согдийском сборнике» (Фрейман 1934а; Фрейман 1934б), а также предварительный отчет об археологических раскопках (рис. 2, 3, 4) (Васильев 1934).

¹ Щит и другие предметы выставлены для музейного показа в одном из залов посвященный экспозиции Средней Азии в государственном Эрмитаже.

Рис. 2. Топографический план памятника по Васильеву (Васильев, 1934. С. 21)

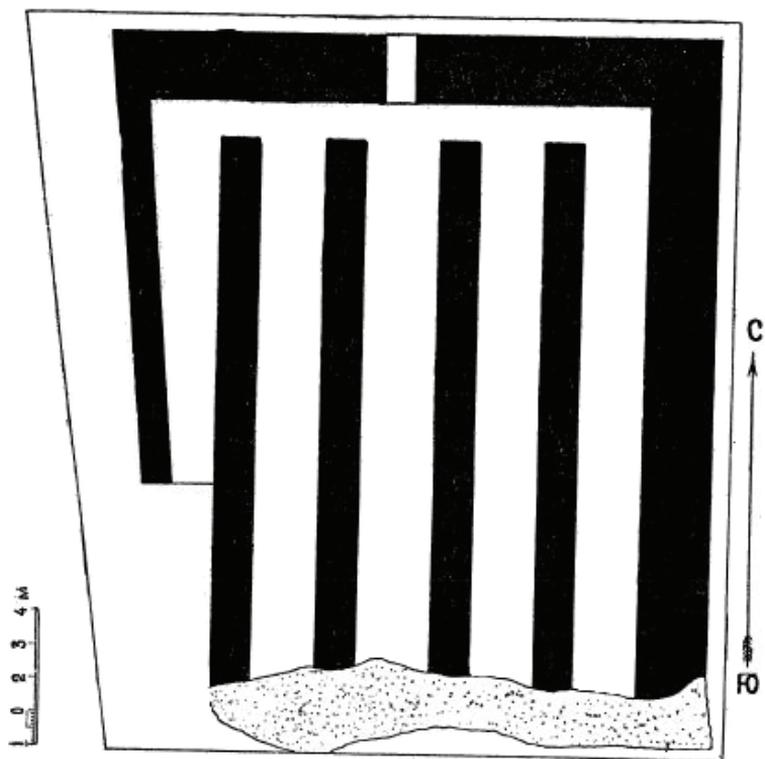

Рис. 3. План замка на горе Муг по Васильеву (Васильев, 1934. С. 25)

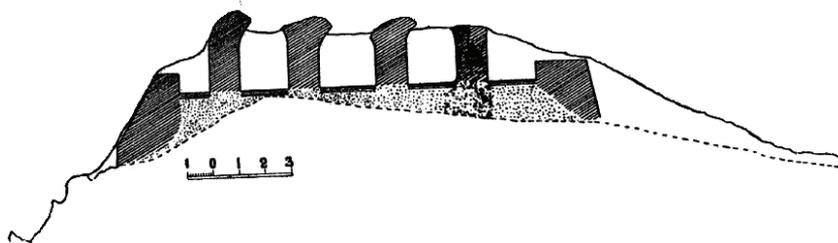

Рис. 4. Разрез замка по линии 3В по Васильеву (Васильев, 1934. С. 23)

Археологические материалы, найденные в замке, стали широко использоваться для решения как кардинальных, так и более частных проблем среднеазиатской истории, что позволило совсем по-иному представить картину исторического процесса в Средней Азии в эпоху раннего средневековья и завоевания арабов в горной части Согда. Смутные и неопределенные контуры картины согдийской цивилизации, стали гораздо более четкими, и благодаря мугскому собранию определилась топонимика городов Средней Азии, особенно горной части Согдианы в период завоевания арабов. (Смирнова 1950, с. 68). Данные мугских документов, позволяют разъяснить ряд проблем хозяйственной и политической жизни горной части Согда в период VII–VIII вв. н.э. (Лившиц 2008). Необходимо отметить, что эти материалы играли важную роль для изучения и интерпретации истории средневекового Согда.

За более чем 80 лет со дня его открытия, замок сильно пострадал, под действием как природных, так и антропогенных факторов. (Якубов 1979, С. 98)

Уникальность данного памятника и его громадная научная значимость определяет его высокую ценность, как историко-культурного наследия. Однако, проблемы сохранения стоят остро. Особое беспокойство вызывает нынешнее состояние сырцовых средневековых памятников в Зеравшанской долине, в том числе и замка на горе Муг.

Как показывает мировой опыт, для сохранения и популяризации археологического памятника необходимо предпринять ряд мер и организовать мероприятия по сохранению, восстановлению и использованию историко-культурного наследия в данном регионе (Хавасс 1999). Согласно российским исследователям, наиболее оптимальным средством сохранения археологического наследия является музеефикация памятника (Бадер 1978; Медведь 2004). Анализ источников позволяет разъяснить, что оптимальное решение проблемы сохранения археологического наследия вероятно только при тщательном рассмотрении самого наследия и популяризации его как уникального компонента современного, широко интегрированного социокультурного и научного пространства (Минева 2010, с. 137).

Для решения данной проблемы необходимо организовать единую систему охраны памятников в Айнинском районе; принимать ежегодные меры по восстановлению сырцовых памятников; популяризовать наиболее значимые археологические памятники.

Сохранения памятника может стать ключевым фактором для развития, как археологического, так и горного туризма в данном регионе. Удобное расположение недалеко от магистральной трассы, прямо напротив стоящего на трассе источника («Оби Тогмат»), на живописных склонах Зеравшанского хребта могло бы сделать этот памятник привлекательным туристическим объектом. Музеефикация замка на горе Муг нужна не только широкому зрителю, заинтересованному туристу, она необходима и для ученого мира. Поэтому высокая ответственность ложится на тех, кто должен найти эффективный способ включения памятника в современную среду, создав комплексную программу его музеефикации.

Список литературы

- Бадер 1978. – Бадер О. Н. Музеефикация археологических памятников // СА. № 3. 1978. С. 138-153.
- Васильев 1934. – Васильев И. А. Согдийский замок на горе Муг (Предварительный отчет) // Согдийский сборник. Л.: Издательство АН СССР. С. 18–32.
- Воронина 1950. – Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР, № 15. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1950. С. 189–198.
- Лившиц 2008. – Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2008. – 414 с.
- Медведь 2004. – Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: ГНОМ и Д. 2004. – 80 с.
- Минеева 2010. – Минеева И. М. Проблема сохранения археологического наследия Южного Урала в контексте его социокультурного использования // Вестник Томского государственного университета. № 3(11). 2010. С. 136–142.
- Смирнова 1950. – Смирнова О. И. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г. // Материалы и исследования по археологии СССР, № 15. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1950. С. 67–80.
- Фрейман 1934а. – Фрейман А. А. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение) // Согдийский сборник. Л.: Издательство АН СССР. 1934. С. 7–17.

Фрейман 1934б. – Фрейман А. А. Описание рукописных документов, извлеченных из развалов здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикской базой Академии наук СССР // Согдийский сборник. Л.: Издательство АН СССР. 1934. С. 33–52.

Хавасс 1999. – Хавасс З. Управление археологическими местами и их развитие с учетом потребностей туризма // Museum. № 200. 1999. С. 31–37.

Якубов 1979. – Якубов Ю. Я. Паргар в VII–VIII вв. н. э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). Душанбе: Дониш. 1979. – 219 с.

Якубовский 1950. – Якубовский А. Ю. Итоги работ СТАЭ в 1946–1947 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР, № 15. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1950. С. 13–55.

Субкультура «черных копателей» Республики Башкортостан: проблемы и решения

*Русланов Е. В. (Государственное бюджетное учреждение
Республиканский историко-культурный музей-заповедник
«Древняя Уфа», Уфа)
butleger@mail.ru*

*Русланова Р. Р. (Башкирский государственный университет,
Уфа)
ridushka@mail.ru*

*Воробьева С. Л. (Национальный музей Республики
Башкортостан, Научно-исследовательский центр «Наследие»,
Уфа)
sveta_legion@mail.ru*

По роду своей профессиональной деятельности нам, как и большинству археологов, не раз приходилось сталкиваться с так называемыми «черными копателями». Проблема эта отнюдь не тривиальна и, наряду с нерадивыми застройщиками, приносит ощутимый вред археологическому наследию. С принятием федерального закона Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в

области археологии» и ужесточением штрафных санкций за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия казалось, что проблема выведенная в заголовок статьи снимется сама собой, однако, мы видим противоположную картину. В Республике Башкортостан на данный момент сложилась целая субкультура со своей системой ценностей, манерой поведения, жаргоном и т.д., связывающая людей занятых в проведении незаконных раскопок. Случайный опыт общения с данной категорией граждан показывает, что надеяться на их благоразумие и ожидать «исцеления» от этого преступного занятия не приходится. Симптоматично участие профессиональных историков, музейных работников и других лиц, так или иначе, связанных с археологией, в этом нарастающем движении. С недавнего времени Интернет-пространство «обогастилось» еще одним сайтом Уфаклад.ru, имеющим хождение по Республике Башкортостан насчитывающий на данный момент 443 пользователя. Эта цифра в 10 раз больше общего числа профессиональных археологов в Башкортостане. Учитывая превосходство в техническом оснащении, и недюжинное трудолюбие в поисках и разрушении памятников историко-культурного наследия нетрудно себе представить, какой ежегодный непоправимый вред наносит эта «братия с металлоискателями» историческому наследию края. Так, только за 2013 г. ими частично разрушены грунтовый могильник Кара-Абыз-2 в Благовещенском районе, комплекс памятников на горе Курмантау в Гафурийском районе, грунтовые могильники Юрмаш-1 и Охлебининский в Иглинском районе, действующие с XVIII в. марийское святилище в Балтачевском районе, а всего известно более чем 50 археологических памятников, ежегодно или разово подвергающихся разграблению. И число это с каждым годом, безусловно, растет. Причина этому повсеместному явлению, на наш взгляд, кроется в развале старой советской системы, которая сочетала в себе государственный контроль и общественную инициативу по охране памятников, пусть и не во всем эффективной, но вполне жизнеспособной. Существующие федеральные и региональные законодательные акты с проблемой не справляются. На сегодняшний день мы видим, если не пропаганду, то по крайней мере молчаливое попустительство властей, примером чему является мизерное число судебных процессов, завершившихся в пользу государства. Федеральные и региональные СМИ слабо освещают эту «чуму XXI века». У большинства обывателей, далеких от археологии, формируется мнение о полной законности данного преступного промысла.

Решение этой проблемы отчасти было высказано к.и.н., с.н.с. ИИЯЛ УНЦ РАН Н. С. Савельевым:

1. Принятие Республиканской целевой программы сохранения объектов культурного наследия, которая была разработана еще в 2011 г. Именно в этой программе должны быть прописаны все вопросы, связанные с археологическим наследием (мониторинг, инвентаризация, противоаварийные мероприятия, обследование территорий, разработка зон охраны, определение территории памятников и т.д.).

2. Активное привлечение профессионального сообщества к работам по сохранению археологического наследия.

3. Необходимо издание полноценного свода археологических объектов Республики Башкортостан. Именно БАССР первая в России выпустила такое издание (Археологическая карта Башкирии 1976), ранее – в 1966 г. такое издание появилось только в Казахстане. Также именно наша республика в общероссийском масштабе являлась флагманом в издании периодических дополнений – каталогов выявленных памятников (1982, 1988, 2004). Так, например, в своде 2004 г., подготовленного силами Научно-исследовательского центра «Наследие», содержатся сведения о 547 объектах, выявленных в 1989–2000 гг.

4. Необходимо поэтапное начало работ по сплошному археологическому обследованию территории Республики Башкортостан, в первую очередь – тех участков, которые подвержены максимальному антропогенному прессингу.

5. Необходимо усиление подразделения Министерства культуры Республики Башкортостан, ведающего всей сферой сохранения объектов культурного наследия в республике. Сейчас его штат и выполняемые функции крайне недостаточны.

6. В настоящее время в Башкортостане практически свернута деятельность по популяризации объектов культурного, в том числе и археологического, наследия. Из приоритетных направлений здесь можно отметить издание популярных и научно-популярных книг, создание специализированных сайтов и установку информационных стендов в городах и других населенных пунктах республики. (Савельев 2013). От себя добавим:

7. Полный запрет на продажу металлодетекторов частным лицам.

8. Информирование местных органов власти, и населения об этой проблеме.

9. Привлечение СМИ в разрешении сложившейся ситуации, пропаганда уважительного отношения к историческому прошлому Республики Башкортостан.

Резюмируя отметим, что принятие всех этих мер вряд ли явится панацеей от этой напасти, так как бугровщество и бугровщики – неперемные спутники ученых уже на протяжении ряда столетий. Однако, дальнейшее затягивание применения жестких мер против все возрастающей армии «черных копателей», грабящих памятники и на суше и под водой, приведет через 10–15 лет к полной потере исторической картины прошлого не только Республики Башкортостан но России в целом.

Список литературы

- Археологическая карта Башкирии 1976. – Археологическая карта Башкирии. Москва: Наука. 1976. – 264 с.
- Савельев 2013. – Савельев Н. С. Археологическое наследие Башкортостана: современное состояние, достижения, существующие проблемы и пути их решения / Интернет ресурс: <http://www.archeologyrb.ru/index.php>

Музейная работа со слабовидящими: первый опыт Музея археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета¹

*Семенов Д.А. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)
dasdanil@yandex.ru*

В настоящее время в России существует множество разнообразных музеев различной направленности. Крупные государственные музеи, небольшие частные, музеи предприятий и т.д.

Все они, как правило, направлены на широкую целевую аудиторию и большинство музеев не доступны для людей с ограниченными способностями. В редком случае музей оборудован пандусами для колясочников

---

¹ Материал подготовлен при поддержке проекта НИР-36 Программы стратегического развития ПГГПУ.

и аудиогидами. Люди с проблемами зрения зачастую выпадают из аудитории музеев.

По данным Всемирной организации здравоохранения, во всем мире насчитывается около 39 миллионов слепых людей и 246 миллионов с плохим зрением (www.who.int/mediacentre/factsheets/fs282/en/index.html). По некоторым данным количество учтенных слепых и слабовидящих в России составляет 218 тыс. человек, из них абсолютно слепых – 103 тыс. (данные на 2009 год). Из этого количества 22% составляет молодежь трудоспособного возраста, то есть практически каждый пятый из всех слепых и слабовидящих (medportal.ru/mednovosti/news/2009/10/07/blind/)

Одним из важных аспектов интеграции инвалидов в общество является возможность их участия в культурной жизни. Для этого необходимо обеспечить максимальную доступность культурно-просветительских учреждений, в том числе и музеев.

В мировой и российской практике реализованы как специальные экспозиции, так и целые музеи для слабовидящих. Один из таких музеев находится в Греции.

Тактильный музей позволяет своим незрячим посетителям дотрагиваться до экспонатов, что запрещено практически во всех остальных. Коллекция музея – это точные копии экспонатов, представленных в других музеях страны, в основном, относящиеся к древним временам и эпохе Византии (<http://www.grekomania.ru/attractions/museums/108-touch-museum>).

Другой музей для слепых находится в г. Каунас в Литве. Выставка музея является уникальной, она направлена на применение различных органов чувств. На стенах расположены ориентационные знаки, в определенных местах слышны запахи и звуки, позволяющие ориентироваться в пространстве. Посетитель выставки вначале чувствует себя неуверенно, но вскоре начинает лучше понимать себя, он больше полагается на своих друзей, что помогает сделать отношения более прочными.

После того, как свет появляется снова, посетители чувствуют себя победителями. Посещение музея является для них особенным, несравнимым ни с чем опытом (<http://fate-yahoo.narod.ru/articles/kaunas.html>).

Дарвиновский музей в Москве активно реализует программы по работе с инвалидами, в том числе и со слабовидящими. Работа направлена

на разные возрастные группы, разработаны специальные экскурсии и методы работы (Государственный дарвиновский музей, с. 269). Такую же работу ведет и музей Москвы (<http://www.mosmuseum.ru/programs-for-people-with-disabilities.html>).

Волгоградский музей изобразительных искусств имени И. И. Машкова реализует проект «Музей для всех и каждого», в рамках которого ведется работа с детьми-инвалидами, которые больше всех нуждаются в подобных программах (<http://www.volgogradmuseum.ru/project-1/>).

В 2013 г. Музей археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета начал реализацию проекта по работе со слабовидящими людьми. В основу работы легло использование тактильных ощущений во время экскурсий. Но так как некоторые экспонаты трогать категорически нельзя в виду их хрупкости, были созданы 3D-модели оригинальных археологических находок.

Подобного рода технологии позволяют активно развивать экскурсионную деятельность среди слабовидящих и слепых людей. Помимо информации, воспринимаемой на слух, экскурсант имеет возможность тактильно изучить каждый предмет.

Кроме этого, 3D-модели займут важное место при разработке выездной экспозиции нашего музея и при проведении лекций, сопровождающих это мероприятие (<http://mae-pspu.livejournal.com/2243.html>).

24 января 2014 г. в нашем музее была проведена первая экскурсия для слабовидящих и слепых посетителей из городского общества слепых. Помимо копий предметов, для экскурсии были подобраны те артефакты из коллекции Музея, которые можно было бы воспринимать тактильно.

Экскурсия проходила следующим образом. Посетителям передавалась необходимая информация о той или иной отрасли жизни человека, а рассказ сопровождался тактильным восприятием артефактов, представляющих эту отрасль. Пальцы скользили по поверхности вещи, создавая её мысленный образ. Тем, кто не имеет проблем со зрением сложно представить, что замысловатый орнамент шумящей подвески можно «увидеть» кончиками пальцев. Были различимы даже отпечатки маленьких детских пальчиков, которые оставил ребёнок на миниатюрной чашечке тысячу лет назад (<http://mae-pspu.livejournal.com/2543.html>). В целом, можно считать, что первый опыт подобного рода экскурсий положителен. Наши

экскурсанты отметили, что все экспонаты достаточно информативны в тактильном восприятии и предложили проведение подобного рода мероприятий в школе-интернате для незрячих и слабовидящих детей.

В дальнейшем планируется увеличивать количество 3D-копий, а также создание выездной экспозиции, чтобы уникальное археологическое наследие было доступно большему числу людей.

Список литературы

Государственный дарвиновский музей. – Государственный дарвиновский музей. Отчет за 2012 год / Ред. А. И. Ключкина. М.:ГДМ. 2013 – 360 с.

Изучение античного наследия Причерноморского края в Российской империи в XIX – начале XX вв.: становление научных обществ и их деятельность по сохранению памятников старины

*Преснова Н. Н. (Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир)
mail_nadezhda_presnova@mail.ru*

Изучение античного наследия Причерноморского региона началось еще в XVIII в. Первые обобщающие работы появляются во второй половине XIX столетия и публикуются в трудах научных обществ. В советское время первые исследования по истории науки относятся лишь к 1960-м гг. (Формозов А. А., Степанский А. Д., Соболева Е. В.). С 1990-х гг. появляются труды, посвященные развитию и деятельности отдельных научных учреждений (Тункина И. В., Платонова Н. И., Всевиов Л. М., Фролов Э. Д.). В них рассматривается процесс становления и развития интереса российского общества к античной истории и создания первых научных организаций. Наибольший интерес представляет проблема сохранения и охраны памятников старины, процесс взаимоотношений и понимания вопроса государственными учреждениями и представителями «научного круга».

Процесс становления научных обществ по изучению древностей юга Российской империи захватил почти два столетия (XVIII–XIX вв.).

Зарождение интереса к античной истории и культуре относится к правлению Петра I. В начале XIX в. создаются научные организации в Одессе, Керчи, Симферополе, Санкт-Петербурге и Москве. Первоначально, они имели характер «кружков любителей древней истории», а во второй четверти—середине XIX в. появляются учреждения с уставом и четкой организацией – Одесское общество истории и древностей (ООИД), Императорская археологическая комиссия (ИАК) и др. В первой четверти XIX в. на Юге России появляются музеи в Николаеве, Феодосии, Одессе, Керчи, в конце XIX в. – Херсонесский и Донской музеи (Археологическая хроника 1902, с. 17).

Деятельность научных обществ состояла из нескольких направлений. Это научно-исследовательская работа, знакомство населения с историей края, создание музеев и библиотек, сохранение и охрана памятников старины. Наиболее проблематичным являлся вопрос сохранения и охраны. Здесь необходимо было прийти к единому пониманию сложившейся ситуации представителям государственной власти и научных обществ.

В конце XVIII в. участники первых научных организаций начинают привлекать внимание представителей власти к проблеме сохранности памятников истории. В 1804 г. Е. Е. Кёлер направляет императору Александру I записку, в которой обосновывает необходимость изучения юга Российской империи. В 1821 г. он возглавляет археологическую экспедицию по изучению Новороссийского края (Тункина 2013, с. 197–214). В это же время император принимает ряд постановлений «об ограждении от разрушения» сохранившихся свидетельств древностей (Формозов 1961, с. 101). Однако надо отметить, что еще во время Петра I был принят указ относительно сбора предметов «дикихвинных» и их хранения (ПСЗРИ, собр. I, т. V. № 3159). Местные власти активно участвовали в решении вопроса изучения и сохранения памятников (Тункина 2002, с. 106).

При Николае I принимается ряд указов и постановлений о сохранении и охране памятников. Указы от 31 декабря 1826 г. и от 14 декабря 1827 г. провозглашали сбор сведений об остатках древних зданий, крепостей (ПСЗРИ, собр. II, т. I. № 794; ПСЗРИ, собр. II, т. II. № 1613). В дальнейшем охрана памятников истории становится функцией губернаторов (Бойко 2002, с. 40).

В 1839 г. начинают принимать первые серьезные указы, относящиеся к археологическому исследованию территорий Причерноморья. Так, был принят указ, по которому право археологических работ по всей южной

России давалось с разрешения местных властей (на казенных землях), или с согласия помещиков (на частных землях) (Мурзакевич 1860, с. 397). Центром хранения найденных при археологических работах вещей и случайных находок стали образованные в Одессе и Керчи музеи. Для памятников, требующих особого внимания, члены научных обществ ходатайствовали о выделении средств, брали «шефство» над ними (например, курганы Куль-Оба и Царский недалеко от Керчи) (Обзор действий... 1848, с. 794).

Первые результаты можно отнести лишь к концу 1880-х гг., когда официально были запрещены грабительские раскопки. Заниматься археологической деятельностью могли только представители Императорских научных обществ (в основном ООИД, ИАК). С 1889 г. право на ведение раскопок могла выдавать только ИАК. Заслугой ИАК стало принятие МВД циркуляров, провозглашавших запрет на разрушение памятников и на кладоискательство. Руководители ИАК обращались в Министерство Юстиции с прошением усиления полицейского надзора за памятниками старины, введения дополнительных статей в российское законодательство. (Медведева 2007, с. 11).

Таким образом, к концу XIX в. на территории Российской империи действовали научные организации, которые изучали и принимали определенные меры по охране памятников старины. Но, несмотря на наличие ряда законов, была очевидна неспособность российского законодательства полностью ограничить и сохранить древности от разграбления и уничтожения. Итак, ученые и общественные деятели XIX – начала XX вв. «вскрыли» несовершенства законодательной базы относительно охранной политики памятников старины и заложили основы для дальнейшего решения проблемы сохранения и охраны памятников истории и культуры по всей территории Российской империи.

Список литературы

- Археологическая хроника 1902. – Археологическая хроника (за последнюю треть 1901 года), 1902 // Известия ИАК. Прибавление к выпуску 2-му. СПб. 1902. С. 1–38.
- Бойко 2002. – Бойко А. Л. В поисках древнего Танаиса (из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период). Ростов н/Д.: Издательство Рост. гос. ун-та. 2002. – 214 с.

- Медведева 2007. – Медведева М. В. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской археологической комиссии: автореферат дисс. ... канд. ист. наук: СПб. 2007. – 22 с.
- Мурзакевич 1860. – Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, сделанных наукам, светлейшим князем М.С. Воронцовым // Записки ООИД. Т. 4. Одесса. 1860. С. 395–414.
- Обзор действий... 1848. – Обзор действий Общества с 14-го Ноября 1843 по 14-е Ноября 1849 года, 1848 // Записки ООИД. Т. 2. Одесса. 1848. С. 791–795.
- ПСЗРИ, собр. I, т. V. – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. V / Электронный ресурс: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Российская национальная библиотека).
- ПСЗРИ, собр. II, т. I. – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. Т. I / Электронный ресурс: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Российская национальная библиотека).
- ПСЗРИ, собр. II, т. II. – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. Т. II / Электронный ресурс: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Российская национальная библиотека).
- Тункина 2002. – Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX вв.). СПб: Наука. 2002. – 676 с.
- Тункина 2013. – Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера // ВДИ. № 1. 2013. С. 197–214.
- Формозов 1961. – Формозов А. А. Очерки истории русской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР. 1961. – 128 с.

Проблемы сохранения и использования археологических памятников (на примере некрополя Иссык)

*Тулегенов Т. Ж. (Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», Есик, Казахстан)
tur4ik_kz@mail.ru*

*Джасыбаев Е. А. (Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», Есик, Казахстан)
ormik80@mail.ru*

В условиях динамичного развития суверенного Казахстана происходит процесс становления национального самосознания. Комплекс геополитических факторов, связанных с определением роли и места Республики Казахстан в мировом сообществе, привел к возрождению интереса к древней и средневековой истории страны. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в послании участникам симпозиума «Степь и культура. Великий путь во времени» отмечает: «С обретением Казахстаном независимости появилась возможность наиболее полно и объективно оценить феномен кочевой культуры и значение Степи в формировании мировой цивилизации».

Физическое состояние памятников определяется тем, что сохранность более половины, находящихся под охраной государства памятников истории и культуры Казахстана продолжает ухудшаться и характеризуется в наше время как неудовлетворительное. Памятники истории и культуры Казахстана составляют весомую долю в культурном и природном наследии мира. Учитывая роль скифо-сакской культуры в истории человечества и значимость археологических реалий сакского времени на территории евразийского пояса степей и за его пределами, как источника по номадной эпохе, необходимо создание целостной системы изучения и восстановления этих историко-культурных памятников, как важнейшей составляющей компонентов развития духовной и образовательной сфер современного Казахстана. Сегодня, несмотря на значительные достижения по изучению раннекочевнического общества историками, лингвистами, представителями естественных наук, основные проблемы истории этого периода остаются либо нерешенными, либо остро дискуссионными. Очевидно, что озвученные выше вопросы, связаны не только с разрешением проблем происхождения саков и их культуры, этнической принадлежности населения евразийских степей VIII–III вв. до н.э., но и подчинены государственным задачам развития регионального туризма, формирования на базе этого целостной системы туристической отрасли Казахстана.

Археологические культуры – самые древние, самые наглядные и наиболее многочисленные – до сих пор остаются в должной мере неостребованными современниками. Комплексы и ансамбли недвижимых археологических памятников, объединенные общностью территории и исторических судеб являются неотъемлемыми элементами самой природной среды. Однако, это изначально единство интенсивно разрушается, законодательство регулирующее основные общественные отношения в указанных сферах не работает.

Одним из таких объектов, нуждающихся в сохранении и защите, является могильник (некрополь) Иссык, расположенный в 50 км. к востоку от города Алматы (в прошлом столица республики – Алма-Ата).

В археологической литературе Иссыкский могильник известен с 1936 г., по итогам работ Семиреченской археологической экспедиции (Байпаков, Таймагамбетов 2006, с. 21), возглавляемой выдающимся советским археологом и востоковедом А. Н. Бернштамом (Бернштам 1948, с. 81). Наиболее значительной оказалось работа Иссыкского отряда Семиреченской археологической экспедиции возглавляемая Б. Нурмуханбетовым в 1969-70 гг., когда в результате охранных раскопок на месте строящейся автобазы было вскрыто неразграбленное царское погребение, так называемый «Золотой человек». Подробное описание и реконструкцию захоронения сделал К. А. Акишев (Акишев 1978; Акишев 1975). Позднее здесь работало несколько экспедиций (К. А. Акишев, Б. Нурмуханбетов, А. Г. Максимова) (Выписка 1971). В 1990–1991 гг. комплексной экспедицией, организованной институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР, археологами и антропологами США и Канады были произведены раскопки небольших курганов правобережной части некрополя (Загородний, Григорьев 1998, с. 85). Аналогичные раскопки производила в 1999 г. археолого-этнологическая комплексная экспедиция организованная университетом «Кайнар». Ныне археологические раскопки и исследования на территории памятника производит комплексная археологическая экспедиция на базе Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык», созданного в 2010 г.

В пределах территории могильника, относящегося к эпохе ранне-железного века ежегодно выявляется факт уничтожения курганных насыпей в ходе проведения землеустроительных работ. Кроме того, в пределах охранных зон некоторых курганов и вплотную к их насыпям строятся туалеты или сам памятник превращен в мусорную свалку.

Несмотря на то, что ныне «Золотой человек» является символом нашей страны, мировым достоянием культурного наследия, прямо связанный с его открытием Иссыкский могильник не только не благоустроен, но и продолжает разрушаться под воздействием техногенных и антропогенных факторов. На сегодняшний день территория некрополя Иссык, нетронутая антропогенным и техногенным воздействием, составляет лишь 270 га от изначальных 1,5 тысяч га. Данный памятник все еще не внесен в список памятников историко-культурного наследия республиканского значения. Как памятники местного значения зарегистрированы только курганы, пространство между ними до сих пор значителен как пахотные земли, и местами продолжает осваиваться различными хозяйствующими субъектами, что разрушает визуальную целостность и презентабельность исторического объекта.

Открытие Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» в 2010 году (рис. 1) явилось важным этапом в деле сохранения этого уникального памятника республики. На данный момент за заповедником-музеем утверждены границы охранных зон, зон регулирования застройки и охраняемого природного ландшафта (Мухтарова и др. 2013, с. 75). Согласно этим правовым актам часть некрополя Иссык защищена от разрушения и нецелевого использования. С открытием и началом функционирования музея актуальным становится не только традиционное археологическое исследование памятников, но и приспособление результатов археологических исследований к культурно-образовательным программам музейной деятельности. Среди способов сохранения памятников истории и культуры музеефикация давно признана одним из лучших видов охраны. Музей задает свой ритм исторического времени, а образность и последовательность развернутых в нем экспозиций раскрывают информационный потенциал памятника и приближают его к посетителю. Только в музейном использовании исторический объект может «сверкать» всеми гранями своих свойств: утилитарных, информационных, причем не только семантических, но и эмоциональных. И в этом главное отличие музеев от других социальных институтов.

Музейные комплексы, включающие недвижимые памятники, ныне рассматриваются специалистами как наиболее престижные учреждения культуры, как важный механизм трансляции и сохранения предшествующих этапов культурного развития. Археологический памятник может стать активным элементом процесса познания нашего прошлого только при соблюдении приоритета консервации с максимальным сохранением внешнего вида объекта на момент раскопок перед рестав-

*Рис.1. Некрополь Иссык, левобережная часть,
группа заповедника-музея «Иссык»*

рацией и музеефикацией. При этом, заповедник-музей выступает наилучшим «полем» взаимодействия археологов, музейных сотрудников, реставраторов.

Список литературы

- Акишев 1975. – Акишев А. К. Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Ноябрь 1975 г. / Ред. В. М. Массон. Л. 1975. С. 57–61.
- Акишев 1978. – Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство. 1978. – 132 с.
- Байпаков, Таймагамбетов 2006. – Байпаков К. М., Таймагамбетов Ж. К. Археология Казахстана. Алматы: Қазақ университеті. 2006. – 356 с.

- Бернштам 1948. – Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области (по материалам экспедиции 1939 г.) // Известия АН КазССР. Серия археологии. Вып.1. 1948. С. 79–83.
- Выписка 1971. – Выписка из приказа № 7 по институту истории, археологии и этнографии АН КазССР / Архив АН КазССР. Р-11, № 77.
- Загородний, Григорьев 1998. – Загородний А. С., Григорьев Ф. П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы..1998. С. 117–123.
- Мухтарова и др. 2013. – Мухтарова Г. Р., Нурмуханбетов Б. Н., Тулегенов Т. Ж. Взаимодействие стратегии власти и общества в сохранении и использовании культурного наследия Казахстана // Археология Казахстана: итоги и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. Алматы: РГП «Ғылым ордасы». 2013. С. 74–78.

Взаимодействие археологов и местного населения в Пермском крае во время археологических работ¹

*Петров В. Л. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)
Vitaliy.Petrof@yandex.ru*

Роль археологии как науки трудно переоценить. Она занимает значительное место в познании исторического процесса. Ее особенность состоит в том, что познание истории происходит через изучение археологических памятников и вещественного материала (а не письменности). Археологические памятники являются главными источниками познания в археологии и в то же время – частью современной реальности, так как они находятся в пределах нашей среды обитания, они – вокруг нас и являются частью историко-культурного наследия как в России, так и в мире.

Поскольку археологические памятники являются частью среды нашего обитания, то зачастую памятники частично или полностью заселены, либо в непосредственной близости от них находятся населенные пункты (Купросское городище – расположено в п. Купрос, Рождественское горо-

---

¹ Работа выполнена по проекту 029а-Ф в рамках реализации ПСР ПГГПУ.

дище – занимает территорию в непосредственной близости от с. Рождественское, Кудымкарское городище – размещено на окраине г. Кудымкар). Это временами создает трудности в археологических исследованиях. Дело здесь не только в том, что археологический памятник может использоваться для хозяйственных нужд (Рождественское городище распахивалось, площадка и сейчас используется под покос) (Белавин, Крыласова 2008, с. 506) или отдыха местного населения (памятники вокруг Чашкинского озера – излюбленное место отдыха жителей г. Березники, под площадкой Кудымкарского городища находится пруд – место отдыха жителей г. Кудымкар). Во время непосредственных археологических работ мы можем столкнуться с негативным отношением к археологам и их действиям, вплоть до актов вандализма по отношению как к памятнику (Плотниковский могильник: Белавин, Крыласова 2009, с. 95–104), так и по отношению к раскопу и проводимым работам (Купросское и Рождественское городища). В данной статье хотелось бы рассмотреть некоторые аспекты взаимодействия археологов и местного населения. И здесь можно выделить три модели поведения: негативную, позитивную и нейтральную.

Для начала хотелось бы поговорить о проблеме негативного отношения к археологам и их работе. Наверное, во многом это связано с тем, что обывателю не всегда понятна специфика работы археолога. Нам всем приходилось сталкиваться с людьми, интересующимися проводимыми археологическими работами и с вопросами, которые они задают: «А что, золото то нашли?», «Металлоискатель-то есть?». В обществе укоренился образ археолога-искателя сокровищ, путешественника. Этот образ насаждается художественными фильмами, такими как «Индиана Джонс», «Библиотекарь», «Мумия» и т.д. Часто возникает отношение к археологии как к науке, в которой можно заработать деньги на артефактах, путем их продажи (или получения денег от государства за ценные находки). Возникает образ археолога в современном обществе – человек с металлоискателем. Связан этот образ с так называемой «черной археологией», что является преступлением. Культура прошлого искажается и обедняется (Клейн 2013, с. 12). Летом вступил в силу закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», в котором сказано, что использование специальных технических средств поиска возможно исключительно при осуществлении археологических полевых работ (ФЗ № 245, ст. 45.2), о котором так же не всем известно. Несмотря на то, что «черные археологи» стараются не выдавать свою деятельность, им так же приходится сталкиваться с местным населением, выдавая себя за ученых. После себя они оставляют следы своей деятель-

ности, в виде ям, не проводя рекультивацию, что может доставлять неудобство местному населению. И это так же накладывает отпечаток на отношение к настоящим археологам. Может возникнуть негативное отношение к археологам и из-за места раскопа. Особенно это связано с раскопками в черте населенного пункта и раскопок могильников. Не все знают и понимают, что проводимые раскопки – охранные и призваны сохранить культурное наследие, а не уничтожить его.

Но существует и опыт положительной коммуникации местного населения и археологов. Сюда можно отнести взаимодействие с детскими учреждениями, которым никогда не отказывается в экскурсии, как и всем желающим (так на Рождественском и Рачевском городищах не раз за время экспедиции приходят экскурсии из близлежащих населенных пунктов). Местные жители, чаще всего, с охотой идут навстречу, покажут или подскажут, если необходимо что-либо найти в их населенном пункте, интересуются новостями о находках, историей (как в пос. Купрос). Возможно, да и традиционно считается, что именно романтика полевой жизни определяет интерес людей к археологии (Любчанская 2011, с. 161). Можно, конечно сказать, что работа археолога – это не только поле, но в глазах обывателя археолог прочно ассоциируется с костром, палаткой, так как эта работа на виду.

В заключение хотелось бы сказать о путях преодоления трудностей взаимодействия археологов и местных жителей во время раскопок. Помочь в этом решении может просветительская работа с местным населением. Как вариант, возможны открытые лекции в населенном пункте, возможно, и уже имеется, положительный опыт привлечения местных жителей к археологическим работам, для изучения специфики работы изнутри (Тула, Новгород) (Добровольский 2013). Естественно, что все это должно происходить по заранее обговоренной схеме. Проблема в том, что часто местное население не проинформировано о таких работах и узнает все непосредственно во время раскопок. Поменяв эту ситуацию, возможно, мы преодолеем возникающие трудности в отношениях местного населения и археологов, а опыт взаимодействия будет нести только положительные эмоции для обеих сторон.

Список литературы

- Белавин, Крыласова 2008. – Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 2008. – 603 с.

- Белавин, Крыласова 2009. – Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Плотниковский могильник – раскопки 2007 г. (новая коллекция музея) // Сборник научно-краеведческих статей Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Спб: Издательство «Маматов». 2009. С. 95–104. (Серия: Наш край. Вып. 10).
- Добровольский 2013. – Добровольский А. Можно ли «черных копателей» сделать «белыми»? / Электронная версия: <http://www.mk.ru/social/article/2013/12/10/957601-mozhno-li-chernyih-kopateley-sdelat-belyimi.html>
- Клейн 2013. – Клейн Л. С. Археологи против черных // Троицкий вариант. № 123. 2013. С. 12.
- Любчанская 2011. – Любчанская Т. В. Женщина-археолог глазами современных студентов-историков // Вестник Челябинского государственного университета. № 1. История. Вып. 43. 2011. С. 161–165.
- ФЗ № 245 – Федеральный закон от 23.08.2013 № 245 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» / Электронная версия: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149696>

Опыт междисциплинарного подхода в изучении памятников истории и культуры

Случаи трепанации черепа с территории римского мавзолея III–IV вв. г. Виминаций

*Кириченко Д. А. (Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана, Баку)
sirkokozak@rambler.ru*

*Микич И. Ж. (Институт археологии Академии наук и искусств,
Белград, Сербия)
mikicilija82@gmail.com*

В рамках проекта «Виминаций-римский город и легионерский форт» авторами статьи был изучен палеоантропологический материал из римского мавзолея III–IV вв. местонахождения Пириовой г. Виминаций. В статье будут рассмотрены случаи трепанации, которые были выявлены в этом мавзолее. Развалины древнего города Виминаций находятся близ с. Старый Костолац в 13 км от г. Пожаревац (Сербия). Виминаций был основан римлянами в качестве форпоста на Дунае в I в. н.э. Виминаций был столицей римской провинции Верхняя Мезия и базой VII Клавдиева легиона. В середине V в. город был разрушен в результате нападения гуннов. В VI в. город был восстановлен византийским императором Юстинианом I, однако просуществовал непродолжительно время, затем в результате славянской экспансии на Балканы он был полностью уничтожен.

На местонахождении Пириовой было выявлено 5 случаев трепанации. Переходим к их индивидуальным описаниям.

Погребение 36 А. Ориентировка могилы – запад-восток. В погребении были найдены: бронзовое кольцо, бронзовый медицинский инструмент, фрагмент бронзового зеркала и ручки, а также обломки керамических сосудов в заполнении могилы. Череп мужской, брахикранный, характеризуется средним продольным, очень большим поперечным, малым высотным размерами мозговой коробки. Орбита характеризуется очень большой высотой. Антропологический тип предположительно европеоидный.

На черепе в районе оципитальной кости имеется округлое трепанационное отверстие (рис. 1, 1) размерами 5 x 5 мм. Судя по всему, бы-

1

2

3

4

5

Рис. 1. Фото черепов со следами трепанации из г. Виминаций

ла применена так называемая методика сверления. Возможно, данная трепанация была совершена в ритуальных целях, либо пациент не выжил после операции, так как не имеется следов заживления на кости.

Погребение 108. Ориентировка – северо-запад–юго-восток. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине со скрещенными на животе руками. От черепа сохранилась только черепная крышка овоидной формы. На ней имеются два характерных вдавления (рис. 1, 2). Их, вероятно, можно связать с символической трепанацией.

Аналоги таким трепанациям имеются на территории Венгрии (Berezcki et al. 2013), Болгарии (Боев 1964; Jordanov et al. 1988), Сербии (Mikić 2006) эпохи средневековья.

В частности П. Боев связывает такой тип символической трепанации с тюрками, которые заимствовали этот обычай в Центральной Азии.

Мы можем предположить, что эта разновидность символической трепанации на Виминации связана своим происхождением с гуннами или каким-то другим племенем, которое пришло в дунайский регион вместе с гуннской ордой из глубин Азии. Один из представителей этого племени вполне мог быть федератом на службе Рима, который затем был похоронен в мавзолее.

Погребение 130. Ориентировка – юг–север. Из погребального инвентаря в могиле присутствовала керамика. Череп предположительно женский, плохой сохранности, брахикранный, характеризуется очень малым продольным и очень малым поперечным диаметрами мозговой коробки. Длина тела 157 см. На черепе в районе париентальной кости справа имеется трепанационное отверстие (рис. 1, 4) размерами 20 x 33 мм. Что касается способа трепанирования, то здесь мы наблюдаем сочетание соскабливания и прорезывания кости металлическим предметом.

Погребение 145. Ориентировка – запад–восток. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине, руки сложены внизу живота. В погребении были найдены: фрагменты серебряной серьги, 6 стеклянных бусинок и бронзовая монета императора Юлиана. Череп мужской, долихокраний, характеризуется средним продольным, очень малым поперечным и очень малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо малое по ширине и очень малое по высоте, по указателю – мезен. Орбиты среднеширокие и средневысокие, гипсиконхные. Нос

малый по ширине и малый по высоте, лепторинный. Длина тела 167 см. Антропологический тип предположительно европеоидный, средиземноморский. На черепе в районе оципитальной кости слева близ ламбдоидного шва имеется возможное трепанационное отверстие (рис. 1, 3) размерами 3 x 4 мм. Что касается техники выполнения трепанации, то это, возможно, было сверление.

Мавзолей. Погребение 1 *in situ*. Ориентировка – запад–восток. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине, руки сложены внизу живота. Череп мужской, мезокранный, характеризуется средним продольным и средним поперечным диаметрами мозговой коробки. Лицо очень широкое и малое по высоте, по указателю – зуриен. Орбиты малые по высоте и очень малые по ширине, гипсиконхные. Нос малый по высоте. Антропологический тип предположительно протоевропеоидный. Длина тела 167 см. На черепе в районе париентальной кости слева имеется трепанационное отверстие (рис. 1, 5) размерами 18 x 19 мм. Трепанация была выполнена методом прорезывания.

Из приведенных материалов следует, что трепанации в основном были присущи мужчинам. Судя по всему, трепанации, в основном, носили символический характер, либо, после проведения операции пациенты не выжили, или прожили недолго, так как следов заживления кости ни в одном случае не обнаружено.

Выявленные на местонахождении Пириной случаи трепанации черепа не единственные на Виминации. Еще 3 случая трепанации на мужских черепах были исследованы сербским антропологом Ж. Микичем на местонахождении Выше Гробаля (техника прорезывания и скобления) и местонахождении Печин (техника сверления), которые датируются III в. (Mikić 2006).

Такое доминирование мужских черепов со следами трепанации можно объяснить тем, что мужчины чаще вступали в военные столкновения (отсюда – травмы и попытки операций), а также возможностями инициаций со вступлением во взрослую жизнь.

Что же касается трепанации черепа на территории Сербии, то она здесь практиковалась еще с эпохи бронзы. Самые ранние находки обнаружены в некрополе Мокрин. (Farkas et al. 1971). Трепанацию практиковали и иллирийские племена Сербии, об этом свидетельствует находка вблизи с. Крива Река, датируемая VI–V в.в. до н.э. (Mikić 1998).

Находки черепов со следами трепанации на Пиривое могут быть связаны как с продолжением местной традиции, так и с влиянием римской медицины. Можно также предположить влияние племен, которые соседствовали с жителями Виминация. Нельзя исключить и влияние представителей племен, которые находились в Виминации качестве федератов и служили здесь легионерами.

Таблица 1. Индивидуальные измерения черепов со следами трепанации из г. Виминаций

№ по Мартину	Погр. 36 А ♂	Погр. 130 ♀	Погр. 145 ♂	Мавзолей. Погр. 1 in situ ♂
1	180	170	183	182
8	152	136	129	143
9	120	96	99	113
13	104		106	-
17	129		126	-
20	134	120	123	-
45	-		127	145
48	-		64	67
51	-		41	36
52	43		35	33
54	-		23	-
55	-		50	48
66	97	88		-
8:1	84,4	80	70,5	78,6
48:45	-		50,4	46,2
52:51	-		85,4	91,7
54:55	-		46	-
Длина тела	-	157 см	167 см	167 см

Список литературы

- Боев 1964. – Боев П. Символични трепанации от България // Известия на Института по Морфология. IX-X. 1964. С. 289–297.
- Bereczki et al. 2013. – Bereczki Z., Molnár E., Marcsik A., Pálfi G. Rare Types of Trephination from Hungary Shed New Light on Possible Cross-cultural Connections in the Carpathian Basin // International Journal of Osteoarchaeology. 2013 (DOI: 10.1002/oa.2304).

- Farkas et al. 1971. – Farkas. Gy., Liptak P. Antropološka istraživanja nekropole u Mokrinu // Dissertationes et Monographiae. XI. Beograd: Arheološko društvo Jugoslavije. 1971. S. 239–271.
- Jordanov et al. 1988. – Jordanov J., Dimitrova B. Symbolic trepanations in Medieval Bulgaria // HOMO. 43/3. 1991. P. 266–273.
- Mikić 1998. – Mikić Ž. Über urgeschichtliche Trepanationen im Gebiet von der Adria bis zum Schwarzen Meer Ein anthropologischer Überblick // Praehistorische Zeitschrift. Volume 73. Issue 2. 1998. P. 145–150.
- Mikić 2006. – Mikić Ž. Trepanacija lobanja na antičkom Viminacijumu – antropološke informacije // Viminacium – arheologija i prirodne nauke. 1. Beograd: Arheološki institut Beograd. 2006. S. 9–20.

Значение «старых» коллекций в современной археологии (на примере керамики «кочищенского» типа)

*Цветкова Н. А. (Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург)
n-tsvetkova@yandex.ru*

Проблема «старых» коллекций занимает в современной археологии значительное место. За давностью лет, исследователи утратили к ним интерес. Археологи, как правило, довольствуются публикациями предшественников. К некоторым материалам не обращаются вовсе, так как по современным требованиям, они неконкурентны материалам, раскопанным в последнее время. Однако, «старые» коллекции, имеют скрытый потенциал, благодаря новым методам и меняющимся подходам к интерпретации артефактов. Особенно это важно тогда, когда они являются единственными источниками информации, как, например, керамика из опорных стоянок начального этапа неолита Валдайского приозерья Кочище 1 и 2.

И. В. Гаврилова и Н. Н. Гурина описывали керамику этих стоянок как фрагменты остродонных сосудов толщиной до 0,8 см, с прямым краем, изготовленных из комковатой и из хорошо отмученной глины, с незначительной примесью песка, и, вероятно, шамота. Они отмечали для большей части черепков заглаженность или лёгкую залощенность

по внешней поверхности и наличие расчесов изнутри. Для изготовления использовался ленточный способ. Сосуды покрывались орнаментом из мелких треугольных наколов, круглых и овальных ямок, тонкой неглубокой гребенки, образующих чаще всего горизонтальные и реже зигзагообразные линии. Использовался и приём нанесения отпечатков в технике «отступающая лопаточка» (Гурина 1975, с. 90; Гаврилова 1962, с. 88, 90). Повторное изучение этих комплексов много лет спустя позволило выявить новые, весьма важные детали. Ниже в таблицах 1 и 2 приведены количественные данные для них.

Табл. 1 Керамический комплекс со стоянки Кочище 1 (раскопки 1961 г.)

Характер отпечатков	Тулова	Венчики	Дополнительно
Без орн-та	19	2	1 фр-т тулова со сквозным коническим ремонтным, по Ю.Б. Цетлину, отверстием.
Тычки/наколы:	7	3	Тычки/наколы: неглубокие округлые, подтреугольные и овальные; глубокие узкие овальные с острыми концами
«Отступающая лопаточка»	2		
Утраченная лиц. пов-ть	1		
Крошка	1		
Итого	30	5	

Керамика из Кочища 1 и 2 аналогична друг другу по технико-морфологическим параметрам и орнаментике. Впервые Ю. Б. Цетлиным был проведен её специальный анализ¹. Так для изготовления сосудов использовалась преимущественно средне либо высокопластичная глина средней ожелезненности, иногда с естественными примесями песка и бурого железняка. В качестве искусственных примесей выступают: шамот, органика и дресва в разных концентрациях. Встречены фрагменты и без

¹ Автор искренне благодарен Ю. Б. Цетлину и И. В. Калининой за эту проделанную работу специально для настоящего исследования.

Табл. 2. *Керамический комплекс со стоянки Кочище 2 (раскопки 1970 г.)*

Характер отпечатков	Тулова	Венчики	Дополнительно
Без орн-та	235	22: Срезы скругл./ прямые равные по толщине стенкам - 15, с налетом на внутр. пов-ти - 1, с сужением к краю среза - 1, с утолщением среза по обеим пов-м - 1, у 2 экз. лицевые стороны утрачены.	2 фр-та тулов со сквозными коническими ремонтными, по Ю. Б. Цетлину, отверстиями
Тычки/наколы:	38	5: с «точечным» зазагообразным орнаментом - неглубокими вдавл. диам. 1 мм - 1, 1 ряд наколов - 2, 2 ряда - 1 ряд наколов и отходящ.от него диагонально ряд отпечатков в технике «отступающая лопаточка» - 1	Наколы неглубокие округлые, подтреугольные, овальные разных размеров, полученные в т.ч. прокатыванием штампа; парные наколы, нанесенные суставной частью кости. У 2 венчиков орнаментирован срез округлыми вдавлениями через 6 и 9 мм соответств.
«Отступающая лопаточка»	8	1	
Пунктирный штамп	1		
Короткозубч. оттиски	3		

Табл. 2. Керамический комплекс со стоянки Кочище 2 (раскопки 1970 г.)
(продолжение)

Характер отпечатков	Тулова	Венчики	Дополнительно
Широкая гребенка	2		
Неясный орн.	1		
«Расчесы» на лиц. подлощ. пов-ти	3		
«Насечки»	8		Разнонапр. узкие глубокие отпечатки, сост. «пляшущие» строчки
Аморфные, кусочки глины	6	Технологические (?)	
Итого	305	28	

искусственных добавок. Согласно визуальному определению И. В. Калининой, практиковалось добавление такой примеси как «пух-перо».

Конструирование сосудов производилось преимущественно в технике лоскутного налепа, в некоторых случаях, предположительно в форме-ёмкости (в трех случаях определенной как кожаная). Установлено использование тонких коротких жгутов для этой цели. Встречено несколько фрагментов, распавшихся по стыкам шириной 30–40 мм. Толщина стенок колеблется в интервале от 5 до 10 мм. На лицевой поверхности большинства изученных фрагментов зафиксированы не всегда ясные «статические» следы. В единичных случаях были определены следы от формы-ёмкости и от выбивания колотушкой. Также практиковалось заглаживание лицевой поверхности, в том числе вертикальное, плоским твердым орудием. Встречается и бытовая залощенность. На внутренней поверхности большинства фрагментов – следы нерегулярного заглаживания травой или мягким материалом, а потом твердым инструментом либо просто пучком травы.

Обжиг был вариативным. Практиковались первоначальный низкотемпературный обжиг, в том числе с короткой выдержкой в окислительной среде;

неполный обжиг в окислительной среде при температуре каления глины с медленным остыванием в обжигательном устройстве. На втором этапе использовались очень короткий обжиг выше температуры каления глины; короткая выдержка при температуре каления глины в окислительной среде; неясная термическая обработка; короткое воздействие высокой температуры на внешнюю поверхность сосуда; обваривание раскаленного сосуда с внешней стороны. Также использовался одноэтапный длительный обжиг, ниже температуры каления глины в восстановительной среде.

Использование сосудов в быту не всегда представляется ясным. Некоторые сосуды, по заключению Ю. Б. Цетлина, использовались для приготовления горячей пищи на огне, другие же не подвергались термическому воздействию.

В результате проведенной работы были скорректированы данные о составе сырья и способах лепки сосудов из Кочища 1 и 2, их орнаментике и деталях морфологии. Впервые стали доступны сведения об особенностях конструирования и обжига раннеолитической керамики Валдайского приозерья и её использования в быту. Таким образом, керамика из «старых» коллекций должна рассматриваться как полноценный источник, пригодный для решения разноуровневых задач. Так, новые данные о керамике «кочищенского» типа позволили сравнивать её в полной мере с материалами сопредельных территорий в тесной связке с каменным инвентарем. Благодаря полученным данным вновь поднят вопрос о культурном статусе стоянок раннего неолита Валдайского приозерья (Цветкова 2012). Стало ясно, что керамика «кочищенского» типа, характеризующая по Н. Н. Гуриной как ранний этап развития валдайской археологической культуры, идентична глиняной посуде начального этапа неолита всего Верхневолжского региона, чей возраст подкреплён сериями C^{14} дат (Гурина 1996). Также очевидно, что керамика «кочищенского» типа принадлежит к наиболее древнему на территории лесной зоны Европейской части России историко-хронологическому пласту неолита.

Список литературы

- Гаврилова 1962. – Гаврилова И. В. Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер // КСИМК. Вып. 92. 1962. С. 87–90.
- Гурина 1975. – Гурина Н. Н. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. 1975. С. 84–93.

Гурина 1996. – Гурина Н. Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 1996. С. 184–193.

Цветкова 2012. – Цветкова Н. А. Памятники раннего неолита Верхневолжской системы озер: к вопросу о культурной атрибуции // Мезолит и неолит восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН/МАЭ РАН. 2012. С. 220–231.

Опыт использования синтеза традиционных и междисциплинарных исследований в определении рецептуры формовочных масс (на примере общebolгарской керамики Болгарского городища)

*Бахматова В. Н. (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань)
lyna-87@yandex.ru*

*Куклина А. А. (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань)
kuklinanna@mail.ru*

Одной из важнейших стадий в изучении технологического изготовления керамики является стадия приготовления формовочных масс. В случае с общebolгарской керамикой золотоордынского периода существования Волжской Болгарии мы имеем дело с развитой технологией производства, сформировавшейся в комплекс навыков, характеризующих ремесленный уровень керамического производства. Керамика I общebolгарской группы составляет большую часть массового материала практически всех памятников Волжской Болгарии и является определённым маркером (Хлебникова 1984).

Формовочная масса складывается из непосредственного базового вещества – в нашем случае это глина, и привнесённых или содержащихся в ней добавок, предназначенных повысить или понизить физические свойства базового источника. Проблема составления и рецептур формовочных масс общebolгарской керамики успешно исследовалась ранее И. Н. Васильевой. Ею были выделены наиболее характерные рецепты формовочных масс для различных групп керамики Болгара (Васильева 1988, с. 125–126).

Наиболее достоверным и информативным методом для анализа рецептур формовочных масс уже несколько десятилетий является технико-

технологический анализ в соответствии с методикой А. А. Бобринского (Бобринский 1978). Достоинства данного метода сложно переоценить, но в последние годы отечественные и зарубежные археологи всё чаще обращаются к междисциплинарным исследованиям в изучении гончарства. Связано это с появлением методов с качественно новыми возможностями (Бахматова 2012, с. 154). Наиболее распространённым в ряду подобных методов является метод оптико-микроскопического изучения шлифов или петрография. Данный метод был заимствован из инструментария геологической науки, но с 60-х гг. XX в. систематически используется в археологической науке (Бобринский 1999, с. 150). С учётом практики использования самого метода и потребностей археологической науки были сформированы принципы, подходы и возможности петрографического метода в исследовании неполивной керамики (Актуальные проблемы... 1999, с. 151-158; Внуков 2006).

Вышеперечисленные методы были использованы нами в исследовательской программе по выявлению зависимости технологического изготовления общеполгарской керамики от функционального предназначения сосуда на этапе характеристики формовочных масс. Появившиеся возможности в проведении различного рода междисциплинарных исследований в изучении археологической керамики, позволили решить также некоторые методические задачи. Методической основой этого исследования явилось сохранение традиционных подходов при исследовании неполивной керамики с использованием результатов естественнонаучных методов. В данном исследовании не ставилась задача выявления преимуществ или недостатков того или иного подхода. При сопоставлении результатов разных методов мы постарались ответить на вопрос о зависимости приготовления формовочных масс от функционального предназначения будущего сосуда.

Источниками данного этапа исследования послужили фрагменты посуды I общеполгарской группы, формы которых возможно реконструировать. Все материалы были взяты из коллекций, происходящих из раскопов Болгарского городища (Республика Татарстан) 2011 и 2012 гг. и относятся к IV (золотоордынскому) слою стратиграфии напластований Болгарского городища.

По результатам технико-технологического исследования¹ выделено две основные добавки, использовавшиеся при приготовлении формовочных

---

¹ Технико-технологический анализ был проведён одним из авторов в Лаборатории «История древней керамики» ИА РАН под руководством Ю. Б. Цетлина.

масс для общеполгарской посуды – это мелкий песок и органика (скорее всего, навоз во влажном состоянии). Концентрация и той, и другой примеси колеблется от 1:3 до 1:5 (1 часть примеси на 3–5 частей глины). Выделено 5 рецептов формовочных масс. Формовочные массы для сфероконусов, горшков, корчаг, кружек и кувшинов тонкие или очень тонкие (то есть размер естественных примесей не превышает 1 мм, чаще всего до 0,5 мм). Для труб – средние или грубые (естественные примеси, такие как известняк и бурый железняк – до 5 мм).

По степени пластичности количественно выделяются низкопластичные глины (70%). Таким образом, мы получили рецепты формовочных масс, качественную и количественную характеристику примесей, их состояния, некоторые сведения об источнике сырья.

Совместно с результатами петрографического исследования были рассмотрены и результаты рентгенофазового анализа (РФА)². Анализ результатов оптико-микроскопического изучения шлифов осуществлялся с учётом подхода, сформированного С. Ю. Внуковым. (Внуков 2006) и основ самого петрографического метода (Белоусова, Михина 1972)

Также нам удалось зафиксировать несколько рецептов формовочных масс и получить сведения об источнике сырья. К сожалению, данный метод даёт детальное описание зёрен минеральных примесей, но совершенно не даёт никакой информации о наличии или отсутствии органической примеси. Конечно, существует описание пор, но природа их появления внутри черепка разнообразна. В целом, результаты анализа всех использованных методов совпали, но в чём-то и дополнили друг друга. Совпали расчёты по концентрации и описание минеральных примесей, а также набор минеральных примесей (песок и шамот) Петрографическое исследование и РФА дали более полное качественное описание базового источника или цемента и существующих в нём естественных примесей (размерность, состояние и т.д.) – полевых шпатов, различных видов слюд, обломки кремнистых пород. Все эти характеристики могут быть

---

² Аналитические исследования были проведены силами сотрудников литологической лаборатории кафедры минералогии и литологии Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета (ИГиНГТ КФУ) под руководством В. П. Морозова и группы рентгенографического анализа Аналитико-технологического сертификационного испытательного Центра ФГУП «ЦНИИгеолнеруд» под руководством Н. И. Наумкиной.

использованы в дальнейшем в исследованиях, связанных с исследованием другой технологической стадии – отбор, добыча и подготовка сырья.

По итогам нашего исследования, основными примесями в общеболгарской керамике являются песок, органическая добавка в виде навоза и реже шамот. Две последних являются искусственно привнесёнными, а кварцевый песок может содержаться в формовочной массе, как в виде естественной примеси, так и в виде искусственного отошителя. Основная трудность: определение естественной и искусственной примеси песка в формовочных массах.

Таким образом, проанализировав все полученные результаты, мы пришли к выводу о целесообразности использования синтеза разнообразных методов для достижения определённых задач в исследовании керамики. Нами была поставлена достаточно узкая в хронологическом, территориальном, культурном плане задача – выявление зависимости технологических характеристик керамики от функциональных для одной культурной группы керамики на одном памятнике внутри одного хронологического промежутка. Каждый из этих методов в разной степени может справиться изолированно с поставленной задачей, но, дополняя друг друга, они дают нам разного рода нюансы, которые могут дать различные корреляции во времени и пространстве. Полученный опыт использования синтеза методик также будет использоваться в постановке и разрешении других проблем и задач в изучении общеболгарской керамики.

Список литературы

- Бобринский 1978. – Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 1978. – 275 с.
- Бобринский 1999 – Бобринский А. А. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Издательство Сам ГПУ. 1999. – 233 с.
- Бахматова 2012. – Бахматова В. Н. Об использовании естественнонаучных методов в исследовании неполивной керамики Болгарского городища // Тезисы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2012. С. 153–154.
- Белоусова, Михина 1972. – Белоусова О. Н., Михина В. В. Общий курс петрографии. М.: Недра. 1972. – 348 с.

- Васильева 1988. – Васильева И. Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. 1988. С. 103–150.
- Внуков 2006. – Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры 1 в. до н.э. – 2 в. н.э. Часть 2: петрография, хронология, проблемы торговли. СПб: Алетейя. 2006. – 320 с.
- Хлебникова 1984. – Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. Москва: Наука, 1984. – 240 с.

Исследование предметов из металла в процессе реставрации

*Курганов Н. С. (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)
nikolai.kurganov@gmail.com*

*Горлов К. В. (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург)
costik.gorlov@yandex.ru*

Изучение древних предметов, полученных в ходе археологических раскопок, дает возможность для открытия новых страниц в истории. Однако, по причине особенностей археологизации артефактов на их поверхности образуются значительные коррозионные наслоения, которые могут скрывать как особенности рельефов поверхности вещей, так и полностью изменять их форму до неузнаваемости. В первую очередь это относится к приметам из металла. Лабораторная реставрация артефактов, опирающаяся на верно подобранную методику, дает возможность раскрытия формы, рельефа и декоративной обработки предмета, а также следов использования и бытования. Появляется возможность в максимальной степени раскрыть информативность вещей, увеличить возможности описания и интерпретации артефактов. На какие вопросы можно получить ответы при изучении предметов в процессе реставрации?

Во-первых, очень часто в процессе реставрации раскрываются особенности формы предмета, которая в свою очередь является основой для типологизации предметов материальной культуры. Для интерпретации формы

в процессе реставрации могут быть использованы различные методики. От неразрушающих методов исследования, например, с использованием рентгеновского излучения, до различных методик реставрационного раскрытия формы предмета от коррозионных наслоений (рис. 1).

Во-вторых, это описание технологии изготовления предмета, особенности обработки и его декорирования. Так, например, в процессе реставрации часто выявляются и описываются материалы, из которых изготовлен предмет, особенности декоративных покрытий и различных вставок и инкрустаций. Описываются техники художественной обработки. Эти детали могут быть не только описаны, но и выявлены для фотодокументации и дальнейшего исследования.

В-третьих, при внимательном изучении могут быть зафиксированы особенности бытования предметов и специфика их археологизации. Например, по следам на предмете можно сказать, был ли он использован в быту или изготовлен исключительно для погребения. Также по различным типам коррозионных слоев и следам на поверхности можно делать выводы о различных условиях археологизации предметов (составе почв, наличии термического воздействия при захоронении, наличии различных включений в патину).

Выявленные и описанные особенности предмета могут быть не только документально зафиксированы. Реставрационное вмешательство является своеобразным способом интерпретации предмета непосредственно в материале. И все особенности, изученные и описанные, могут быть сохранены на поверхности артефакта.

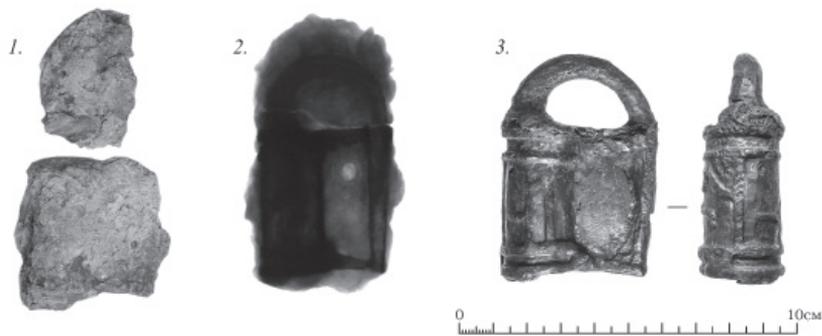

Рис. 1. Замок железный (ЮГ-13-Р-II-Он-1(55); руководитель Еремеев И. И.)

Каждый предмет, полученный в ходе археологических раскопок, требует индивидуального подхода. Сохранение или удаление тех или иных поверхностных коррозионных наслоений в каждом случае должно руководствоваться в первую очередь научными задачами.

Так, благодаря верно подобранной методике и методологии, на поверхности трапецевидной подвески из медного сплава была раскрыта и сохранена руническая надпись (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013). Особенность данного примера заключается в том, что процарапанный рельеф рун из-за длительного нахождения предмета в культурном слое сохранился только на пленке коррозии. Если бы реставратор при работе с данной вещью руководствовался идеей возвращения древностей к «первозданному виду» (Скотт, 1935), то привеска из разряда уникальной археологической находки перешла бы в разряд предмета имеющего множество аналогов.

Но поверхностные наслоения на артефактах могут как нести дополнительную информативность, так и скрывать ее. Так, пленка коррозии, имеющей искусствоведческое название «благородная патина» и высоко ценящаяся в сфере коллекционеров, монет скрывала на аверсе и реверсе монеты номиналом 5 копеек с датой 1793 г. следы пяти перечеканок (Курганов, Горлов, 2013). Перечеканка монет, имеющая место во многих государствах, является интереснейшей стороной экономической и политической истории (Спасский, 1970). Фиксация на одном монетном кружке разновременных чеканок пяти различных монет является уникальным случаем. В данной ситуации удаление «благородной патины» перевело рядовую монету в группу уникальных находок, заслуживающих отдельного изучения.

Список литературы

- Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. – Дорофеева Т. С., Стеблин-Каменская С. И. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // Археологические вести. Вып. 19. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2013. С. 159–175.
- Курганов, Горлов, 2013. – Курганов Н. С., Горлов К. В. Изучение монет как археологического материала в процессе реставрации (на примере материала раскопок по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17) // Археологические вести Вып. 19. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2013. С. 188–194.

Скотт, 1935. – Скотт А. Очистка и реставрация музейных экспонатов. Известия ГАИМК. Вып. 114. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 1935. 70 с.

Спасский, 1970. – Спасский И. Г. Русская монетная система. Издание 4-е, дополненное. Л.: «Аврора». 1970. 256 с.

К палеоантропологии Сельбира (предварительное сообщение)

*Кириченко Д. А. (Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана, Баку)
sirkokozak@rambler.ru*

В статье рассматривается палеоантропологический материал, происходящий из христианских и мусульманских погребений, который был выявлен летом 2013 г. в ходе археологических раскопок проводимых совместной азербайджано-южнокорейской экспедицией под руководством ст.н.с. Института археологии и этнографии НАНА, к.и.н. Дж. Эминли и профессора Сеульского Национального Университета Йи Сеон-Бока при поддержке Азербайджано-Корейской Ассоциации Культурного Обмена СЕБА (Сеул-Баку) на средневековом городище Габала.¹

В конце I в. до н.э. в связи с угрозой со стороны кочевников г. Габала (столица Кавказской Албании) был перенесен на более благоприятную в стратегическом отношении местность, которая называлась «Сельбир». Эта территория располагалась примерно в 2 км северо-западнее прежнего места города, на высоком плато, в междуречье рек Гарачай и Джовурлучай. Во второй половине X в. и начале XI в. население г. Габала значительно уменьшилось. Так как оборона широкого пространства города была затруднительна, оставшаяся часть населения перешла жить на противоположную сторону от Сельбира, в так называемую местность «Гала».

«Сельбир» занимает площадь около 13 га. Топоним «Сельбир» связывают с названием племени – савиров.

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность и признательность к.и.н. Дж. Эминли за возможность использовать палеоантропологический материал из раскопок Сельбира.

Всего было исследовано 8 погребений, из которых происходит палео-антропологический материал хорошей сохранности. Из них 3 мужских погребения, совершенных по христианскому обряду и 5 погребений (2 мужских и 3 женских) совершенных по мусульманскому. Ниже привожу индивидуальную характеристику исследованных черепов.

Христианские погребения (табл. 1):

Таблица 1. Индивидуальные измерения черепов из христианских погребений Сельбира

№ по Мартину	Кв. 2. погр. 1 ♂	Кв. 2. погр. 3 ♂	Кв. 3. погр. 2 ♂
1	175	187	188
8	127	131	136
9	80	79	83
17	-	142	138
45	129	139	131?
48	65	76	78
51	38	46	40
52	30	37	37
54	23	28	24
55	50	49	55
8:1	72,6	70,05	72,3
48:45	50,4	54,7	59,5?
52:51	78,9	80,4	92,5
54:55	46	57,1	43,6

Квадрат 2. Погребение 1. Череп мужской (рис. 1, 1), долихокранный, характеризуется малым продольным и очень малым поперечным диаметрами мозговой коробки. Лицо малое по ширине и высоте, по указателю – мезен. Орбиты очень малые по высоте по ширине, мезоконхные. Нос малый по ширине и высоте, лепторинный. Антропологический тип предположительно северный (нордический).

Квадрат 2. Погребение 3. Череп мужской (рис. 1, 2), долихокранный, характеризуется большим продольным, малым поперечным и очень большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо большое по ширине и высоте, по указателю – мезен. Орбиты большие по высоте и очень большие

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 1. Фото черепов из Сельбира

по ширине, мезоконхные. Нос большой по ширине и малый по высоте, хамеринный. Антропологический тип предположительно кавкасионский.

Квадрат 3. Погребение 2. Череп мужской (рис. 1, 3), долихокранный, характеризуется большим продольным, малым поперечным, большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо среднее по ширине и очень большое по высоте, по указателю – лептен. Орбиты большие по высоте, малые по ширине, гипсиконхные. Нос малый по ширине, большой по высоте, лепторинный. Антропологический тип предположительно средиземноморский (каспийский).

Мусульманские погребения (табл. 2):

Таблица 2. Индивидуальные измерения черепов из мусульманских погребений Сельбира

№ по Мартину	Кв. 1. погр. 2 ♀	Кв. 1. погр. 5 ♂	Кв. 1. погр. 7 ♂	Кв. 2. погр. 2 ♂	Кв. 3. погр. 1 ♀
1	196	185	178	177	167
8	135	138	149	147	146
9	101	85	89	84	86
17	-	138	138	133	136
45	116	143	142	132	127
48	72	68	57	71	67
51	39	42	41	37	37
52	39	32	31	33	37
54	23	28	23	22	21
55	52	46	43	52	48
8:1	68,8	74,6	83,7	83,05	87,4
48:45	62,1	47,55	40,1	53,8	52,75
52:51	100	76,2	75,6	89,2	100
54:55	44,2	60,9	53,5	42,3	43,75

Квадрат 1. Погребение 2. Череп женский (рис. 1, 4), долихокранный, характеризуется очень большим продольным и малым поперечным диаметрами мозговой коробки. Лицо очень малое по ширине и среднее по высоте, по указателю – лептен. Орбиты очень большие по высоте и очень малые по ширине, гипсиконхные. Нос малый по ширине и средний по

высоте, лепторинный. Антропологический тип предположительно средиземноморский (каспийский).

Квадрат 1. Погребение 5. Череп мужской, (рис. 1, 5), долихокранный, характеризуется большим продольным, малым поперечным и большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо очень большое по ширине и малое по высоте, по указателю – зуриен. Орбиты малые по высоте и средние по ширине, мезоконхные. Нос большой по ширине и очень малый по высоте, хамеринный. Антропологический тип предположительно протоевропеоидный. Из патологий следует отметить метопический шов.

Квадрат 1. Погребение 7. Череп мужской (рис. 1, 6), брахикранный, характеризуется средним продольным, большим поперечным и большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо очень большое по ширине и очень малое по высоте, по указателю – зуриен. Орбиты среднеширокие и очень малые по высоте, хамаконхные. Нос малый по ширине и очень малый по высоте, хамеринный. Антропологический тип предположительно протоевропеоидный.

Квадрат 2. Погребение 2. Череп мужской (рис. 1, 7), брахикранный, характеризуется малым продольным, большим поперечным и средним высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо среднеширокое и средневысокое, по указателю – мезен. Орбиты малые по высоте и очень малые по ширине, гипсиконхные. Нос очень малый по ширине и средний по высоте, лепторинный. Антропологический тип предположительно альпийский.

Квадрат 3. Погребение 1. Череп женский (рис. 1, 8), брахикранный, характеризуется очень малым продольным, большим поперечным, средним высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо малое по ширине и высоте, по указателю – мезен. Орбиты очень малые по ширине и большие по высоте, гипсиконхные. Нос очень малый по ширине и малый по высоте, лепторинный. Антропологический тип предположительно европеоидно-монголоидный. Об этом свидетельствует слегка плоское лицо, высокие орбиты и слабо выступающий нос.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о крайне смешанном характере населения Сельбира не только на уровне отдельных антропологических типов, но и на уровне больших рас.

Мы можем предположить, что каспийский и кавкасионский антропологические типы соотносятся с автохтонным населением Азербайджана.

Как известно, данные антропологические типы представлены на территории Азербайджана еще с эпохи мезолита. Об этом свидетельствуют палеоантропологические находки в Гобустане (Касимова 1974; Kirichenko, 2013). Данные антропологические типы присутствуют и у современного населения Азербайджанской Республики (Касимова, 1975). Другие же антропологические типы (альпийский, северный (нордический), прото-европеоидный, европеоидно-монголоидный) не являются местными. Такое разнообразие антропологических типов можно объяснить тем, что в Габале эпохи средневековья помимо местного населения проживало и пришлое.

Список литературы

- Касимова 1974. – Касимова Р. М. Первые палеоантропологические находки в Кобыстане // Вопросы антропологии. № 46. 1974. С. 158–162.
- Касимова 1975. – Касимова Р. М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку: Элм. 1975. – 99 с.
- Kirichenko 2013. – Kirichenko D. A. Paleoanthropology of Azerbaijan in Mesolithic-Neolithic time // Abstracts collection on new challenges in the European Area: International Baku Forum of Young Scientists dedicated to the 90-th anniversary of National Leader Heydar Aliyev. Baku. 2013. P. 432–433.

Современное состояние рудника Михайло-Овсянка в Пестравском муниципальном районе Самарской области

*Сёмин Д. В. (Удмурдский государственный университет,
Ижевск)
viator.dmitrii@gmail.com*

Сохранение археологического наследия – основное направление культурной политики России в области археологии. Важной составляющей этой политики является не только максимально полный сбор артефактов, с последующим изучением их всеми возможными методами, но и фиксация объектов археологии в контексте ландшафта: древних могильников, поселений, производственных комплексов, культовых объектов.

Горно-металлургический комплекс бронзового века у села Михайло-Овсянка, находится на левом берегу Волги в Пестравском районе на юге Самарской области. Первые сведения о памятнике были получены в 1969 г., от бывшего учителя Н. И. Гераева, который сообщил о находке остатков древнего поселения недалеко от села Михайло-Овсянка. В 1971 г. были проведены первые небольшие археологические исследования. В 1978 и 1979 гг. на памятнике вскрыта значительная площадь 448 кв. м. В дальнейшем работы были продолжены в 2000 г. (Матвеева и др. 2003, с. 71).

Памятник Михайло-Овсянка находится в местности, которая является частью каменного сырта. Вследствие геологических факторов на отдельных площадях обнажились отложения пермской системы. На некоторых их участках к верхнеказанскому мелкозернистому известняку приурочена медистая минерализация. Такой известняк вскрыт по тальвегу оврага Михайло-Овсянка где иногда можно обнаружить сине-зеленные медистые стяжения и отложения. Следы медистой минерализации обнаружены геологом Н. Л. Небритовым. Наличие довольно протяженного по площади минерагенического поля в известняках, расположенных в стороне от основных медных регионов, является геологическим феноменом для данного региона (Небритов 2003, с. 135).

После археологического изучения не осталось сомнений, что памятник является специализированным поселением – рудником и местом первичной переработки медной руды. Об этом свидетельствуют как сооружения: шахты, штольни, карьеры для добычи руды, но и артефакты: находки из камня и кости со специфическими следами, связанными с добычей, обогащением и обработкой меди (Горащук, Колев 2003, с. 89). О плавке руды свидетельствуют обнаруженные шлаки, обломки глиняные тиглей, слитки и всплески металла, найденные в культурном слое.

Обнаруженные в раскопе металлические предметы и многочисленная керамика, дают возможность уверенно отнести все выявленные на памятнике сооружения к единому культурно-хронологическому комплексу, связанному со срубной культурно-исторической общностью. Связь объектов горно-металлургического производства, зафиксированные на поселении Михайло-Овсянка, с населением срубной культуры, отсутствие следов других культурно-хронологических комплексов, удивительная сохранность горнодобывающих сооружений дает возможность для изучения проблем организации древнего горно-металлургического производства и делает памятник уникальным компонентом археологического наследия региона.

В настоящее время памятник подвержен разрушению. Разрушение носит естественный характер, связанный с такими процессами, как сползание культурного слоя в овраг Михайло-Овсянка, паводковое размывание почв, негативное действие грызунов, рядом с норами которых находится большое число археологического материала, таких как кости животных, керамика, вывороченных животными из культурного слоя. Также на некоторых сайтах были найдены материалы свидетельствующие о разграблении памятника. В качестве мер, необходимых для сохранения культурного наследия, необходимо усилить контроль за состоянием памятника, и по результатам всесторонней экспертизы состояния объекта, наметить меры по его сохранению.

Список литературы

- Горащук, Колев 2003. – Горащук И. В. Колев Ю. И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Актуальные проблемы Археологии Урала и Поволжья / Ред. Старшенкова Д. А. Самара. 2003. С. 89–104.
- Матвеева и др. 2003 – Матвеева Г. И., Колев Ю. И., Коралев Ю. И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на югу Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Актуальные проблемы Археологии Урала и Поволжья / Ред. Старшенкова Д. А. Самара. 2003. С. 69–88.
- Небритов 2003. – Небритов Н. Л. Краткая история добычи и изучения меди Среднего Заволжья и Западного Приуралья // Краеведческие записки. Вып. 11 / Ред. Старшенкова Д. А. Самара. 2003. С. 130–146.

Археологическая разведка на левобережье и островах р. Иртыш напротив устья р. Оми летом 2013 г.

*Прокопенко И. В. (Музей археологии и этнографии Омского
государственного педагогического университета, Омск)
vspyshka_88@list.ru*

Левый берег р. Иртыш, напротив устья р. Оми, еще с начала XX в. привлекал внимание исследователей. В древности здесь был остров, образованный, с одной стороны, руслом Иртыша, а, с другой – протокой

р. Замарайка и старичным озером (Грачев 2013, с. 5). Первым выявленным здесь объектом является Омская стоянка, обследование которой в основном велось путем сбора подъемного материала (Палашенков 1960, с. 5–6). Памятник сильно пострадал в результате строительства: в 1950-е гг. Ленинградского моста, в конце 80-х гг. профилактория «Восход».

Во время спасательных раскопок Омской стоянки в 1988-1989 гг. был выявлен грунтовый могильник, после чего стало очевидно, что «Омская стоянка» – это комплекс археологических объектов (Конииков 1996, с. 113), что подтверждается последующими раскопками (Грачев 2013).

В 250 м от Омской стоянки вверх по Иртышу были найдены следы мастерской каменных орудий, а в 100–150 м ниже – другой стоянки или поселения (Палашенков 1960, с. 5). В 3,3 км вниз по течению от Ленинградского моста располагалась стоянка Большеостровка-I, в 4,2 км – местонахождение Большеостровка-II, в 0,7 км – стоянка Заячий Остров-I (Паустиан 1993, с. 98).

Летом 2013 г. на территории левобережья и островов р. Иртыш, в пределах современного парка Победы, автодрома «ДОСААФ», профилактория «Восход» и микрорайона Большая Островка, археологами ОмГПУ была проведена археологическая разведка. Цель разведки – уточнение границ «Омской стоянки», установление современного состояния выявленных ранее памятников и поиск новых археологических объектов.

Уточнение границ комплекса памятников «Омская стоянка» при помощи натурального обследования оказалось невозможным, ландшафт сильно изменен в результате хозяйственной деятельности человека, большая часть комплекса утрачена, подъемный материал по береговой линии и вглубь древнего острова обнаружен не был. Не выявлены следы мастерской каменных орудий, вероятно, памятник на сегодняшний день полностью утрачен.

Стоянка или селище в 100-150 м ниже по течению от Ленинградского моста либо уничтожена в результате строительства моста или площадки для профилактория «Восход», либо перекрыта насыпью, возведенной в результате создания этих объектов. В последнем случае, можно предположить, что материалы этого памятника представлены в раскопках М. А. Грачева 2012 г. (Грачев 2013). На памятнике Большеостровка-I, найдены лишь два фрагмента керамики эпохи бронзы. Выше от него по Иртышу, по направлению к Метромосту, найдено шесть фрагментов керамики без орнамента и несколько окаменевших костей.

Местонахождение Большеостровка-II, на сегодняшний день представляет из себя частично затопляемую пойму, поросшую ивняком. Археологические объекты здесь визуалью не фиксируются, культурный слой в береговых обрывах не виден, подъемный материал не найден.

Заячий остров-I, определенный О. А. Паустианом, как часть Омской стоянки, является местонахождением. В силу своих характеристик, остров, на котором расположен памятник, видимо, относится к современной пойме Иртыша (Лаптев 1960, с. 61). Учитывая окатанность подъемного материала, найденного на его южной части и мелководье, можно предположить, что находки принесены течением Иртыша с древнего острова, на котором находится «Омская стоянка». На памятнике найдены многочисленные окаменевшие кости, 2 каменные пластины, 2 скребка, фрагменты керамики эпохи бронзы (4 экз.).

На территории парка Победы были осмотрены открытые в 1993 г. М. Ю. Сафаровым курганы (Паспорт... 1993), археологический характер насыпей вызывает сомнение.

Местонахождение Метромост-I. В 250 м. от Метромоста ниже по течению Иртыша, на песчано-илистой отмели на площади около 300 кв. м, были найдены фрагменты русской керамики (80 экз.) как гончарной, так и лепной, окаменевшие кости и стамеска по дереву из патинизированного кремня (трасологическое определение Г. Н. Поплевко).

Исходя из состояния подъемного материала и условий его нахождения, при отсутствии культурного слоя в береговых обрывах, можно предположить следующее: находки могло принести с другого памятника, расположенного выше по Иртышу, или разрушенного в результате строительства Метромоста в 2000 г. Последнее, в свою очередь, могло вызвать изменение движения водных потоков реки, что позволило обнаружить принесенные на отмель артефакты.

Таким образом, по итогам разведки поставленные цели были преимущественно достигнуты: выявлен новый памятник, уточнено современное состояние известных ранее, установлено, что в результате хозяйственной деятельности и природного воздействия некоторые объекты частично пострадали, некоторые утрачены полностью.

Список литературы

- Грачев 2013. – Грачев М. А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: раскопки археологического комплекса «Омская стоянка» на левом берегу р. Иртыш на территории г. Омска. Омск.
- Конилов 1996. – Конилов Б. А. Омская стоянка – выдающийся памятник среднего Прииртышья // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 4. 1996. С. 107–120.
- Лаптев 1960. – Лаптев С. Р. Некоторые вопросы геоморфологии долины среднего Прииртышья // Известия Омского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 3. 1960. С. 55–62.
- Палашенков 1960. – Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 3. 1960. С. 3–23.
- Паустиан 1993. – Паустиан О. А. Археологические памятники г. Омска (по итогам полевых исследований 1992 г.) // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. Тез. докл. Омск. 1993. С. 96–99.
- Паспорт... 1993. – Сафаров М. Ю. Омск, Парк Победы. Могильник курганный-I. Паспорт памятника археологии / Архив Управления по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия Министерства культуры Омской области. I.3. I.36.

Список сокращений

АН – Академия наук

ВлГУ – Владимирский государственный университет

ГИМ – Государственный исторический музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

ИА – Институт археологии

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИАЭ НАНА – Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

Л – Ленинград

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии

ЛОИИМК – Ленинградское отделение ИИМК

М – Москва

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МВД – Министерство внутренних дел

ОмГУ – Омский государственный университет

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи

РАН – Российская Академия наук

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РТ – Республика Татарстан

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

РЭМ – Российский этнографический музей

СНГ – Содружество независимых государств

СПб – Санкт-Петербург

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СПбГУКИ – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

СПбГУП – Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов

СССР – Союз Советских Социалистических республик

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УлГПУ – Ульяновский государственный педагогический университет

УрГЭУ – Уральский государственный экономический университет

